

Татьяна Михайлова
Кирилл Кириллов
Александр Логачев

Проект «Сколково. Хронотуризм». Книга 2
Серия «Сколково. Хронотуризм», книга 2

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2512655

*Проект «Сколково. Хронотуризм». Книга вторая: ИК «Крылов»; Спб.; 2011
ISBN 978-5-4226-0155-4*

Аннотация

Ученые наукограда Сколково совершили революционное открытие. ПРОРЫВ, равному которому не было от сотворения мира! Отныне история – открытая книга. Людям стало подвластно само время. Открытие не стали прятать за заборами секретных лабораторий. Гостеприимно распахнула двери государственная компания «Сколково. Хронотуризм»! Покупайте путевку в прошлое – и в путь!

В подарок на день рождения Андрей получает путевку в прошлое – незаполненную. Куда же податься типичному представителю «золотой молодежи», пресыщенному всем? Андрей вспоминает рассказы прадеда о том, как тот воевал против Колчака. Еще вспоминает, что золото Колчака, почти 200 тонн, пропали бесследно где-то в районе озера Байкал. И Андрей выбирает февраль 1920 года, Прибайкалье – день, когда, по одной из версий, красные партизаны пустили Золотой эшелон под откос...

«Мария Селеста» – самый знаменитый корабль-призрак. Найден в 1872 году дрейфующим в Атлантическом океане. Вся команда бесследно исчезла. Сотни гипотез, более ста лет догадок и неизвестности... Павел с детства интересовался загадкой «Марии Селесты», знает о ней все. Его мечта – узнать, что же случилось на самом деле. Он отправляется на борт «Марии Селесты» – в день, когда была сделана последняя запись в судовом журнале. Увидеть все своими глазами, пережить все вместе с экипажем. Узнать правду пусть даже и ценой жизни.

И он узнает правду. Невероятную, поразительную правду...

Содержание

ИСТОРИЯ 1.0	4
ИСТОРИЯ 2.0	11
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Логачев, Кирилл Кириллов, Татьяна Михайлова

Проект «Сколково. Хронотуризм». Книга вторая

ИСТОРИЯ 1.0

Очиненное гусиное перо застыло над узким горлышком медной чернильницы. Лишние капли, черные и густые, скатывались вниз и свергались с острия обратно в чернильноеместище.

Владелец гусиного пера занес его над склеенными листами бумаги и уверенно вывел начало: «Государеву боярину большому, Ивану Петровичу, отписка холопа твоего, подьячего Тайного приказа Яшки Федорова, сына Михлютьева».

Подьячий положил перо на струганные доски стола, задумался. Потрескивали фитили двух сальных свечей, укрепленных в глиняных площадках по обе стороны от бумажного свитка. Масляно-желтый отсвет падал на узкое, в оспинах, сосредоточенное лицо. Человек тяжело вздохнул, огладил рукой короткую, клином, бородку.

О чем же писать далее? Ну как же! Сперва, понятно, надобно отчитаться. Приписал: «Жалованье от тебя и великого государя, посланное с человечком твоим, гончим татаринном Ильдаркой, получил: шесть Рублев, пять алтын, три деньги». А и вправду, как вдруг татарин утаил деньгу? С их, басурман, станется. Тогда нехристю кнута не миновать, когда доставят эту грамоту в Москву и боярин Пушкин Иван Петрович, век ему блаженствовать, посчитает, не уворовал ли чего мухаммеданин Ильдарка себе в карман.

Ну, а дальше о чем отписывать? Поведать ли сразу о главном, чему свидетелем стал нынче в четыре пополудни, или подбираться постепенно?

Из-за дневного происшествия и сел он за грамоту сегодня, а не в иной день, как собирався. Потребно, чтоб до Москвы от него первого, от Якова Михлютьева, дошла весть о нынешнем громком деле. А никак не от других. За проворство, глядишь, и отметят.

Так и не решив, о чем зачнет рассказывать далее, пока вывел пустые в общем слова: «Как ты велел, боярин, кругом приглядываю, вслушиваюсь, сыскиваю и смекаю». За тем его и отрядили (да не только его, а и иных тайных людишек послал по городам боярин Пушкин) – чтоб скрытно выведывать. Иван Петрович Пушкин, ставший не так давно правой рукой царя, обещал пополнить скудную государеву казну. Но как пополнишь, когда воруют! Особо же не стесняются те, кто далече от Москвы сидят, дескать, не дотянутся до нас руки. А погодите ж – дотянутся, ухватят цепко да взыщут строго. Для того и охота боярину знать, кто, где и сколько уводит от государевой нужды. Ну а иначе как скрытным глазом про то не вызнать.

Правда, Иван Петрович намеком дал понять, что не все дело в казне. Еще о самом себе думать приходится. Скажем, сидит в Самаре воеводой боярин Хабаров, а он родня князю Одоевскому, тому, который нынче пыжится отодвинуть Пушкина от трона. Вот Иван Петрович шепнет как-нибудь государю то, что вычитал в грамотке Якова Михлютьева: «де воевода Хабаров деньги царевы себе прибирает, а убытки на разбойников списывает, еще вошел в сговор с целовальниками – водку в кабаках водой слабить и от того наживаться, к тому ж бражничает, с жонками блудными знается, и есть дума, что покрывает ему свойственник Одоевский и что делятся они меж собой ворованным». Шепнет такое Пушкин и глядь – Одоевский у царя уже не в милости.

А каждый воевода или голова, каждый боярин с кем-нибудь в родстве и нелишне будет про то знать, кто из них чем промышляет. Может, не завтра, так через годок-другой пригодится.

Отсюда вроде бы по уму о том сперва написать, что удалось разведать про местного воеводу Свиридова Демьяна Федотовича, про дела его, не всегда угодные царю Алексей Михалычу да и богу тож, однако... Однако думы-то жгло иное: увиденное на площади. Увиденное стояло перед глазами, застилая прочие мысли.

Ладно, надумал наконец подьячий, уберу из мыслей в грамоту тот рассказ, а потом спокойно изложу, где какие недоимки открыты за воеводой.

Перо заскрипело по бумаге, вывело «слушай, боярин-отец, что было сего дня в Яик-городке и случилось то на майдане» и... опять легло на стол.

Подьячий задумчиво посмотрел на слюдяное окно, отсвечивающие в полумраке комнаты серебром. Издалека долетали пьяные возгласы и песни. Кто-то рядом с домом шумно выплеснул на землю воду или помои. Простучали по деревянной мостовой копыта – не иначе отправился в вечерний объезд города верховой стрелец.

«Э, ты погоду строчить, не подумавши как след», – остудил себя от быстрого письма подьячий. Как бы, живописуя бывальщину, самого себя не осрамить. Если напишешь правду: что заприметил того человека, да потом отпустил от себя, то как бы потом не указали на халатный недогляд. А указывать будут батогом по спине или, что хуже, откажут в наградной деньге. Дескать, не отводишь все внимание службе, размяк на легких хлебах.

Ведь и вправду сплоховал Яков. Хорошо, что другой кто-то нашелся, а то бы... Нет, отписывать рассказ следует не с начала.

А начало было такое. Яков вышел из кабака. Просидел он там час или около того, выпив всего одну чарку меда. Подьячий не жаловал хмельного зелья, так как даже с малого хмеля лицо у него шло красными пятнами, а спустя недолгое время начинал болеть, словно стукнутый, затылок.

В кабаках Яков тянул питье неторопливо, прислушивался к разговорам, да и сам заводил беседы. Иногда случалось просидеть не без пользы – ведь кого только не заносит в питейные дома, у кого только не развязываются языки, кто на кого только не жалуется.

Но на этот раз ничего путного вывести не удалось. Да еще чуть было не влип в историю с детиной в потертом монашеском платье. Дитина сидел на скамье за столом напротив, пил молча, оглядывался, сверкая глазами под густыми, сросшимися на переносице бровями. Потом впился взглядом в Якова, залпом влил себе в утробу остатки водки, которой, видать, вылакал уже немало, и вдруг, вытянув вперед волосатый палец, гаркнул:

– Бес, сорок хвостов тебя опутай! Бесяра! Приполз змеина народ православный смущать! Русь древнюю сатане с Никоном-патриашкой продали! Тремя пальцами, аки кукишем, рыла свиные крестите!

Дитина поднялся, без труда дотянулся до Якова, сгреб его за кафтан и занес над головой правую руку с глиняной кружкой.

– В ад тебя, беса, загоню, откель ты явимши!

И худо пришлось бы Якову, не смог он бы даже до шапки дотянуться и водрузить ее на макушку, чтобы смягчить удар, но молодцом выказал себя целовальник. Подлетел, взмахнул плетью и огрел, гикнув, дитину по руке. Кружка упала на земляной пол кабака. Целовальник с ярыжкой навалились на возмутителя, придавили его к столу. На помощь им пришли больше в поисках потехи кое-кто из кабацких людей. Отпихиваясь от наседающих, крутящих ему руки, дитина в монашеском одеянии сотрясал кабак громовым голосом:

– Вариться в котлах адовых будете, никониане-блудодеи! Глотки поганые вам свинцом зальют!

Пока под визг и хохот гуляющих жонок возились с захмелевшим старовером Яков поспешил выскользнуть наружу. После прокисшего воздуха кабака хорошо было вздохнуть полной грудью.

Улицу, по которой подьячий направился к площади, не покрывал деревянный настил и под подошвами хлюпала грязь, размоченная утренним дождем, перемешанная с конским навозом. Взгляд Якова привычно блуждал по сторонам. Еще далеко было до вечернего успокоения и встречные люди, за малым исключением, или находились при делах, или направлялись по делам, а не шатались праздно. Мимо проезжали, погромыхивая, груженные и порожние подводы. Со двора стрелецкого сотника, пересмеиваясь, вышло с дюжину стрельцов, вооруженных бердышами. Должно быть, получив наказ, отправились на одну из башен стоять дозор. На крыльце дома купца Ерошина схватились две жонки. Из-за чего они сцепились, понять было невозможно, бабы, не поминая уж причину, лишь самозабвенно бранились: «Тобой бы полы мести, грязнее не будешь, а пахнет от тебя, как от выгребной ямы», «Ах ты колода толстомясая, корова недоенная, кура рыжая, а рожа у ты – лошадиная краше». Мужики, глиномесы и каменщики, возводящие на купеческом дворе кирпичный сарай, побросали работу и наблюдали за сварой, похохатывая и подзуживая неполадивших баб вцепиться друг другу в волосы. «Если б не знать, что в Яике нахожусь, то принять можно за любой город», – пришло на ум Якову.

В назначенных ему боярином Пушкиным городах Яков Михлютьев проводил по месяцу, за месяц все вызнавал и ехал далее. Выдавал он себя за грамотея, который вдобавок умеет вести счет имуществу, прибыткам и убыткам и ищет к кому бы наняться. Всегда имелся повод заглянуть на любой двор, хоть на воеводин, завести беседу с любым человеком. А на крайний случай в кафтанную полу была зашита охранный грамота от боярина Пушкина.

Тот человек вышел из переулка... Да, кажется, из переулка. Или со двора кузни? Не углядел Яков точно. Может, происшествие с монахом, чуть не полученный по голове удар тяжелой кружкой лишили Якова внимательности. Или на глупых жонок отвлекся. Но не уследил, откуда вывернул тот человек. Увидел уже перед собой в пяти шагах.

Человек тоже двигался в сторону площади. Высокий. В посадской сермяге, рукава которой не доходили ему до запястий. На макушке болтается заячья шапка с подпалинами, норовя слететь от встрясок при ходьбе, так как мала. Затылок брит, волосу, похоже, и под шапкой совсем мало. То ладно, но порты... Переведя взгляд на штаны – сермяга прикрывала их до колен – Яков от удивления пробормотал под нос: «Эко диво!». Сначала подьячий подумал, что встреченный им мужик валялся на мокром лугу, где зазеленилась от травы ткань его портков и налипли листья. Потом, взглядевшись, понял, что это материя так разрисована: в зеленые пятна, в желтые разводы, в черные круги. «Откель такие?» – подумал Яков. Не меньше поразили его и невысокие сапоги, в которые были заправлены потешные штаны. Странной, незнакомой выделки кожа, и – усмотрел Яков, зайдя сбоку – сапоги те разрезаны спереди и стянуты черными же, узкими завязками. Отверстыца, в которые просовывались завязки, поблескивали, словно туда был вставлен металл. «Чья работа? – недоумевал Яков. – Турецка, что ли? А подошва-то какая толстая и не деревянная, ишь как гнется».

Подьячий разглядел так же, что человек тот безбород и безус, но лицо не чистое, как у немчин или ляхов, а с густой порослью щетины.

Человек крутил головой, как будто не узнавал мест. Раз-другой он обернулся, провел взглядом и по Якову, но подьячий привычно навел на лицо скуку и убрал глаза в сторону.

«Какого же он племени?» – стал гадать Яков. Не немчин, те в своих платьях ходят, русского ни в жисть не наденут. Калмык, башкир или иной степной человек? Нет, совсем не походит. И не жидовин, лицом не схож, да и ростом они завсегда помельче, кожей чернявее, пейсики торчат. И походка у тех хлибкая, семенящая, словно каждый миг по голове получить боятся, а этот вышагивает твердо, будто воеводоу сын. Или как казак.

Эх, не зацепился тогда за последнюю догадку Яков. Решил, что казак в сермягу вырядится, ежели только пропъется до последнего, но уж саблю – саблю-то! – всяко не пропьет. Да и борода, усы где? К тому же лоб, щеки, нос у него белые, словно человек днями в стенах сидит и на солнце, на ветру не бывает, какой же тогда казак!

И Яков перескочил на другие мысли: «Может, скоморох? Или дурачок яицкий?».

Они вышли на площадь, людную в этот час. (А было четыре – как раз на Пушкарской башне часовой досмотрщик отбил в колокол согласно стрелкам четыре раза). Может, Яков и последовал бы за непонятным человеком, скользнул бы за ним вослед в толпу, но...

Вот про то отмечать в грамоте к боярину совсем немыслимо. Про то, что подьячий задумал иное, едва углядев среди прогуливающих по торговым рядам жонку по имени Настасья, Стрельцову вдову. Про то, что вдова округла телом, лицом пригожа, хохотлива, живет одна на окраине Казачьей слободы и с хозяйством сама управляется. Про то, что подьячий Тайного приказа Михлютьев не токмо о служении боярину помышляет, а также о веселой жонке.

Вроде бы и Настасье он глянется. Вроде бы начинало у них складываться. Дважды они встречались, разговоры говорили и очень ладно так оба раза побеседовали. Корил себя за то Яков, что в последнюю их встречу на привозном дворе не набрался храбрости напроситься в гости. Не впрямую, конечно, а как-нибудь там околичностями: дескать, говорят, кулебяки твои на весь Яик славятся, вот бы испробовать, пока они еще горячи из печи... ну или что-нибудь такое... И вот, увидев ее на площади, Яков наказал себе в этот раз сдюжить и добиться-таки быть званным ею в дом.

А Настасья ему обрадовалась. Разулыбалась и сказала:

– А я как раз подумала, может, и ты, Яков Федорыч, где-то здесь?

Конечно, жонки к притворству склонны, вздохнул про себя Яков, но чего ж притворяться обрадованной, когда нужды никакой к тому нет. Он взял из рук Настасьи корзину, уже наполовину с товаром, пошел рядом, стал говорить всякие слова. Веселил шутками, и так осторожно, чтоб не испугать, вставлял лестные жонкам слова – про их слепительную красоту.

Настасья задержалась у завозных, московских товаров, принялась разглядывать, щупать, перебирать. Тут Яков вспомнил о полученном с гончим татаринцом Ильдаркой жалование и о том, что тележную ось смазывают маслом – отсюда колесо быстрее катится. Вспомнив, он взял в руки приглянувшуюся ему вещь:

– Гляди, Настасья Ильинична, кика какая! Пойдет твоей красе. Вишь, бисером обсыпана, с узорами. Давай подарю тебе?

Ответить Настасья не успела.

Вот с этого и следует начать отписку. Нет, не с того, что Настасья прищурилась, уперла руку в бок и изготавилась, видать, к насмешливому ответу, а с переполоха, что вспыхнул порохом на другом конце площади возле хлебных амбаров.

Яков окунул перо в чернильницу и вывел на бумаге: «Враз загудел майдан, до того тихий, и я, холоп твой, бегом поспешил туда, отец-боярин, где самое пекло разгорелось». И написал он истинную правду.

– Погодь-ка! Не уходи, вернись! – крикнул Яков, поставил корзину на землю и бросился туда, куда побежал не он один, туда, где над толпой засверкали бердыши стрельцов, откуда долетали громкие отрывистые приказы, где усиливались бабьи визги.

Как только услышал подьячий шум, как только углядел стрельцов, то уже почему-то не сомневался, что причиной смуты стал его давешний знакомец в травяных штанах. Чутье, видать. Оно и нашептывало: «Он, он это, поганец». И при этом свербило на сердце – недоглядел ты, подьячий. А чего именно недоглядел, чего упустил он, Яков пока не понимал. Но понять дюже как хотелось.

– Окружай! Окружай! – донесся особо истошный вопль. – Смыкайся!

Подъячему теперь приходилось расталкивать людей, чтобы выбраться в первые ряды любопытных. Яков пихал в спины, толкал в бока, получал иногда сдачу, слышал про себя матерны слова, но не обращал внимания и протискивался.

– Убил! – заголосила впереди какая-то жонка, по голосу судить, полногрудая. – Ирод! Колдун!

«Почему колдун?» – успел удивиться подъячий.

– На смерть не рубить! – послышался властный голос, когда Яков уже выбирался в первый ряд.

Место от мнувшихся передних людей до стены хлебного амбара синело кафтанами стрельцов, вверху колыхались их серые шапки, отсвечивал металл бердышей. У стены амбара, спиной к ней, рядом с поительным желобом для лошадей стоял тот, знакомый Якову, высокий человек в потешных штанах и в сапогах с завязками. Поперек желоба лежал бердыш, до которого безусый легко мог дотянуться в любой момент, а в соломе, что набросана перед амбаром, валялись два стрельца: один бездвигно, другой шевелился и стонал, держась за бок. Тем временем человек у амбара сбросил сермягу, вместе с ней и какую-то короткую желтую дерюжку и явил взглядам всего честного люда рубаху, доселе Яковым невиданную: в черные и белые ровные полосы. К тому же рубаха та была с отрезанными по плечо рукавами и не свободная, чтоб тело дышало, а плотно, как вторая кожа, прилегающая к нему. И не скрытно стало, что силой странный человек не обижен: в плечах широк, руки бугристы. Шапка с его головы слетела ранее, и явилось, что волосом молодец бел и короток.

Увидев такое скопление государевых стражников, Яков подумал: «Значит, кто-то упредил стрельцов о человеке. А раз их столько понабежало, то знали они, противу кого идут, и опасались его. Отчего? И кто же он?»

И отгадка той загадке сделалась близка, но не додумал Яков до конца. Потому как отвлёкся – стоячая до того картина пришла в движение.

Стрелецкий голова, дождавшись, когда его люди равно распределятся полукругом и изготовятся, зычным, прокатившимся над всей площадью голосом скомандовал:

– Живым бери! Бей его обухами! Гей, соколы, смыкай круг!

«Видать, первый наскок парень тот отбил, и двух при этом покалечил, а прочих напугал, – пронеслось в голове Якова. – Ловок!»

– Ой, беда будет, польется кровушка, да полетят головушки на сыру землю, – запричитал кто-то сзади тонким голосом.

А Якову показалось, что прижатый к стене незнакомец криво усмехнулся, глядя на тронувшихся с места стрельцов. Но усмехнулся или нет, а бердыш с желоба взял в руку и...

– Батюшки святы! Висусе Христос! – пропищала какая-то старуха.

– Истинно глаголю, демон! – густым поповским голосом возвестил кто-то за спиной Якова.

– Казак, казак, не то умеют. С малых лет тому учатся.

– Не, чародей заморский, хвакирами зовутся. Они в глаза наводят того, чего нет.

А вокруг незнакомца в полосатой рубахе и травяных штанах, летал, словно оживший, бердыш. Топор оказывался то справа, то слева, то выскакивал из-под мышки, то из-за спины, древко перескакивало из одной в ладони в другую. Руками или колдовством орудовал чудный человек – сказать было нельзя. Яков видел лишь мельтешение дерева и металла, сливающееся в замысловатые фигуры.

Стрельцы, было уверенно шагнувшие вперед, остановились в остолбенении. А полосатый человек будто бы ждал той заминки. Отбросив бердыш, он в два скака одолел путь до желоба, запрыгнул на него, побежал, разбрасывая брызги, подскочил, пропуская под собой топор опомнившегося стрельца, понесся по поилке далее и спрыгнул за стрелецкими спи-

нами. Якову сделался ясен замысел ловкача: добраться до лошадей, верхом убраться с площади, а дальше – с божьей помощью.

И добрался бы он до коней. Стрельцы, неожиданно оказавшиеся позади, в мешающих бегу кафтанах и с тяжелящими руки бердышами, отставали. Ни у кого из них не случилось пистоля – стрелкнуть вслед. Беглец уходил.

Внезапно из площадной толпы вылетел змеей из засады длинный кнут, оплел ногу бегущего.

Яков неся, смешавшись со стрельцами и страшась получить древком в ребро – не путайся, дескать. Поспел подъячий к тому мигу, когда один из государевых стражников, презрев наказ старшего, с размаху опустил бердыш, метя лезвием в голову лежащему на земле беглецу.

«К богу душа полетела», – проговорил про себя запыхавшийся подъячий Яков Михлютьев, но вышло так – поторопился.

Чудной человек ужом крутанулся на земле и блестящий полумесяц топора, не задев человеческой плоти, рассек утрамбованную копытами и подошвами землю, уйдя в нее на два вершка. Почти слитно с чмоком разрезаемой тверди и громким выдохом стрельца незнакомец выбросил ладонь вверх, обхватил ею древко и рывком поднял себя на ноги. Мелькнула полосата ткань и, замысловато извернувшись туловом и даже малость присев, парень опустил локоть на древко бердыша. Хрустнуло дерево, переломилось. Видевшие это ахнули. А стрелец потерял опору, его повело вперед и пасть бы ему ниц, но удержала от того нога. Да, да, нога в черном сапоге с завязками, взлетевшая вверх и ударившая стрельца в адамово яблоко. Пышноусый стражник государев с открытым от удивления ртом и с обломком древка в руках медленно заваливался навзничь.

Это сейчас, сидя в покое, Яков сумел разобрать ту круговерть по косточкам. А тогда в глазах мельтешило, одно молнией сменяло другое и ум не поспевал за глазами. Ума тогда хватило разве, чтоб подивиться, как это рукой можно толстую палку перешибить? Или деревьях тухлява была по недосмотру стрельца?

А потом на миг зрелище от Якова заслонила синяя спина. Подъячий сумел выглянуть из-за нее, когда чудной человек уже дергал кнут, конец которого все еще оплетал его ногу. Из-за мешков с овсом вылетел на открытое место и растянулся на спине человек с вытаращенными от ужаса глазами. К своему удивлению Яков признал в кнутабойце гончего татарина Ильдарку.

И тут наконец подлетели подотставшие стрельцы. «Изрубят строптивного молодца, – подумалось Якову, – аки капусту». Так бы, небось, и было, да хорошо стрелецкий голова упредил своих соколов криком:

– Живым, черти! Самих сгною!

Лезвия бердышей застыли над белесой головой. А чудной человек почему-то не поднимался с земли, сидел, снимал путы кнута с ноги и говорил что-то себе под нос (Якову удалось разобрать «Достали...», «Дурак с плеткой на ваше счастье...»). Откуда и чего достали, Яков не уразумел, а насчет дурака-то верно сказано – не шустр умом Ильдарка, зато шустр гонцом скакать.

И вдруг Яков услышал имя. Произнесли его стрельцы, от стрельцов имя подхватили в толпе. И тогда подъячий понял, кого не смог опознать, а должен был узнать сразу, ибо обязывали его заучивать приметы. И ведь заучил он! И помнил ведь он главну опознавательную примету, да не пришло на ум ко времени, вылетело куда-то...

Огласив вздохом вечернюю тишь, Яков вывел на бумаге, по которой плясали тени от колышающегося свечного пламени: «А признал я его, боярин-батюшка, едва завидевши»...

Но вот о чем ни то что не напишет, не скажет никому подъячий Яков Михлютьев, так это о находке своей. И тем паче не покажет ее никому. А ну как донесут, что он колдовские

поделки сберегает! И взаправду может оказаться чернокнижья удумка, то Якову неведомо, не видал Яков прежде таких.

Приметил подъячий во время поединка чудного человека со стрельцами, что отлетела на сторону крохотная вещица, блеснув в лучах, и осталась на земле под желобом для поения лошадей. Когда плененного увели и праздные разошлись, Яков подобрал ту вещицу. Сейчас она лежала перед ним на столе развернутая и разглаженная.

В мизинец длиной. То ли бумажка, то ли ткань, гладкая и красочная. Блестела даже под свечным светом, словно серебро вживлено. Нарисована на ней картинка махонька: будто подушки стоят, прислонившись одна к другой. И запах от нее исходил приятственный, ласкающий ноздрю. Может, для нюханья и сотворено заморскими умельцами. А, может, для чего несправедного, нехристианского.

Да хоть и пугался Яков, касаясь той вещи, но влекла она его отчего-то.

А еще написано на вещице той что-то было буквами нерусскими, крупными и мелкими. Крупные Яков уже, не вытерпев, перерисовал на обрывок бумаги, чтоб в Москвe-городе показать Федьке-толмачу из Посольского приказа. А срисовал он вот что: «ORBIT WINTERFRESH»...

ИСТОРИЯ 2.0

Золотой эшелон

Кислотные огоньки бегали по многочисленным гирляндам. Рвущиеся из динамиков супербасы качали полуголую, потную, пьяную, удолбанную толпу. Стробоскопы вырывали из хаотичной массы отдельные движения, превращая их в пляску святого Витта.

Андрей сквозь зубы втянул полбокала искристого «Донперегной», чувствуя, как щеко-чут небо пузырьки. Поставил липкое донышко на мраморную стойку и стал водить по ней пальцем, размазывая брызги шампанского в сюрреалистический рисунок. Ему было невыносимо, до ломоты скучно на этом празднике жизни, повторяющемся из ночи в ночь с упорством, достойным лучшего применения.

Какая-то незнакомая брюнетка навалилась на его плечо рвущимся наружу бюстом, задышала в ухо сладким перегаром. Потерлась. Не видя искорки интереса в глазах хозяина вечеринки, отстала. Исчезла в веселящейся толпе, целеустремленная, как акула в поиске.

С другой стороны к стойке подкатила сильно датая компания. Два парня быковатого вида старались зажать между накачанных тел хихикающую рыжую девицу. Та, хоть и казалась неадекватной, ловко уворачивалась, заставляя друзей сталкиваться лбами или прижиматься друг к другу интимными частями организма. И, кажется, это начинало им нравиться.

Андрей попытался вспомнить, видел ли когда этих людей, столь беззаботно и отвязно гуляющих на его дне рождения, но вспомнить не смог. Как и добрую половину присутствующих. Все эти многочисленные «плюс один»: «А можно я с собой подругу возьму?», «Он хороший мальчик, приличный» и тому подобное. А в итоге заблеванный пол, разбитая посуда, астрономические счета в баре и никакого удовольствия.

Он вздохнул и залпом допил шампанское. Боком протиснулся мимо троицы и между остальными танцующими и направился к туалетам. Не к общим, которые уже были до краев наполнены характерными звуками и запахами, а к ВИП-сортирам, для почетных гостей.

Качок-охранник с прибитыми к голове боксерскими ушами и переломанным раз восемь носом посторонился, пропуская хозяина мегавечеринки. Андрей зашел внутрь, наслаждаясь прохладой мрамора и тонким запахом дезинфекции, мешающимся с ароматами дорогой туалетной – он невольно усмехнулся получившемуся каламбуру – воды. Названия он не помнил, но запах любил, потому сотрудники, знавшие вкусы всех випов наперечет, сбрызгивали им все возможные места. Не сильно, только чтоб едва чувствовалось – опять-таки как он любил.

Андрей порылся в кармане, извлек из него пакетик с белым порошком и пустой корпус от шариковой ручки. Никакого «Паркера» или, там, «Монблана», а обычной, школьной, за тридцать пять копеек. Ну, вернее, когда он себе такие покупал, они стоили тридцать пять копеек, а сейчас... Бог знает. Наверное, немало. Раритет. Мечта коллекционера. Таких уже не производят, и, чтоб найти, нужно заказать партию в Китае, в авторском дизайне. Ведь не какой-нибудь там бренд из бутика за углом.

Он усмехнулся и стянул пиджак. Бросил его на мраморный столик, закатал рукава, распечатал пакетик и насыпал на зеркальную полочку дорожку. Конечно, он мог нюхнуть прямо в зале, никто бы и не пикнул, наоборот, поддержали, даже попросили. Но ему хотелось... А черт его знает, что ему хотелось. Нет, не просто уединиться или погрузиться в мир грез. Ему хотелось чего-то другого, такого, чтобы удивило его, возможно, даже напугало. Погнало по телу горячую адреналиновую волну. Только где ж такое взять? Спуск с самых крутых гор, прыжки с парашютом, дайвинг по карстовым пещерам, охота в джунглях. Все это уже было и обрыдло. Даже секс в последнее время какой-то механический выходил, не ведущий к отно-

шениям. Двдцатиминутное туда-сюда, сон по разные стороны огромной кровати, деньги на утреннее такси и номер, стертый из памяти мобильного. И арриведерчи!

– Да, совсем ты что-то приуныл, – раздался над ухом веселый голос.

Андрей вздрогнул, хотел прикрыть дорожку, но вспомнил, что он тут практически единственный царь, бог и хозяин. Отдернул руку, выпрямился и обернулся на голос. Перед ним стоял Валентин, давнишний друг и участник многих авантур, и лыбился во все тридцать два металлокерамических бундесовских зуба с далеко выдающимися клыками. Специально небось такие заказал, чтоб народ пугать.

– Спалил, спалил! – захохотал он.

Андрей кивнул, молча соглашаясь.

– Да не беспокойся, не госнаркoкoнтрoль, – хохотнул Валентин, хлопая Андрея по плечу могучей рукой. – Тут впору нам, друзьям, о тебе беспокоиться.

– С чего бы? – Андрей наконец совладал с собой и, сколь мог крепко, пожал протянутую руку.

– Видел бы ты себя! Стоишь над дорожкой кокаина, в такой роскоши... – Он обвел рукой золоченые светильники, статуи «под античность» по углам, зеркала в резных рамах. – Нос уже в кокаине, считай. Бабу любую можешь получить, съесть все, что пожелаешь. А в глазах тоска.

– А чего радоваться-то?

– Как чего? День рождения у тебя. Гулянка в разгаре. Гостей полна коробочка. Сам весь в шоколаде и других извальять можешь. Круто же?

– Ну да, – вяло пожал плечами Андрей. – Круто.

– Брателло, – ехидно прищурился Валентин. – А не посещает ли тебя крамольная мысль: мол, завтра помру, а от меня ничего и не останется, кроме кратковременной памяти в головах пары десятков дебилов? Тридцать три – возраст Христа, а никаких материальных следов пребывания на земле нет и не предвидится. Ни детей, ни артефактов, ни другой срани?

– Ну, что-то вроде, – протянул Андрей, коря себя за то, что почти публично сознается в подобном соплежуйстве. Хорошо хоть Валентин человек проверенный, по-любому могила.

– И давно это у вас, больной? – спросил он, имитируя тон мультяшного доктора.

Андрей опять пожал плечами.

– Поздравляю. – Валентин снова хлопнул друга по плечу. – Диагноз ясен.

– И что у меня болит?

– Болеть ничего не болит, а вот кризис среднего возраста накрыл.

– Наверное, – безразлично ответил Андрей.

– Нужна срочная помощь.

– И как вы планируете мне помочь? – спросил Андрей, невольно перенимая его ернический тон.

– Детей я за тебя не сделаю, дом не построю, дерево не посажу, но вот адреналинчику в твою жизнь добавить...

Он заговорщицки подмигнул и залез в карман. Покопался там нарочито долго и внимательно и жестом циркового фокусника извлек конверт. Станный. Вроде и бумажный, а вроде и нет, словно весь он был покрыт голографией и переливался в отблесках светильников.

– Вот, подарочек тебе.

– Интересно, – ответил Андрей, осторожно принимая из рук друга конверт.

Вскрыл клапан, заглянул внутрь. Извлек оттуда карточку, чем-то похожую на банковскую, но без привычных номеров и логотипов платежных систем. Повертел в руках безразлично.

Валентин заметил его отношение:

– Чего ты скукислся? Считаешь, что тебя уже ничем удивить нельзя?

– Давно уже никому не удавалось, – не стал оправдываться Андрей. – Не то что раньше. – Он завел глаза под лоб в неожиданном приступе сентиментальности.

– Ну да, давай Расскажи мне снова, что раньше на радиорынке купил компакт Жан-Мишеля Жара – и счастлив, а сейчас его самого можно на корпоратив заказать, а никакого удовольствия.

Андрей лишь вздохнул удрученно.

– А забыл, как от бандитов последнее прятал, или как через два дня после аппендицита в Китай за пуховиками на автобусе трясся, или...

– Ладно, хватит, – оборвал его Андрей. – Сколько раз уж спорили... В конверте-то что?

– Путевка в жизнь, – тут же смягчившись, улыбнулся Валентин.

– В смысле? На Багамы? Карибы? На Северный полюс? – от балды предположил он, разглядывая странные голограммы на карточке.

– Нет, такой ерунды я б тебе дарить не стал, тут круче. Это пропуск в другую жизнь, если хочешь.

– Как это?

– Да понимаешь, папаша мой в «Сколково-2» работает. В руководстве нового проекта. Хронотуризм. Сейчас только-только завершились испытания, только-только начали услуги оказывать официально, но еще мало кто обо всем этом знает. Вот, это он мне достал. Но тебе, смотрю, нужнее, да и мне с подарком для человека, у которого все есть, возни меньше, – усмехнулся он. – Тамошние яйцеголовые кристалл изобрели или микросхему...

– Кремниевую микросхему часто кристаллом называют, – поправил Андрей, вспоминая свое институтское прошлое.

– Короче, – отмахнулся Валентин от лишних знаний, – если его проглотить, отправляешься в прошлое на определенное время и, – он выдержал театральную паузу, – можешь делать там что хочешь.

– Вообще все?

– Вообще. Хоть с патрициями в термах мойся, хоть с древними индусами Камасутру изучай, хоть конницу Мамай из пулемета вали.

– Так это ж нельзя.

– Что нельзя? – не понял Валентин.

– Вмешиваться в ход истории, от этого настоящее измениться может.

– Это у Рэя Брэдбери может, если хоть одну бабочку задавишь, – наставительно поднял палец Валентин и икнул.

Андрей понял, что друг его тоже в изрядном подпитии, а может, и слегка под кайфом.

– А у нас не может. Все продумано и придумано. Я подробностей не знаю, но никаких изменений в нашем времени. Гарантировано.

– Это как же, создается иная реальность, новая ветвь истории что ли? Это уже не к Бреду Бери, а к Филипу Дику.

– Дикий там твой Филип или домашний – не суть. Главное, изменений в настоящем не происходит.

– Круто! – воскликнул Андрей, которому подогретое алкоголем и наркотиками воображение тут же нарисовало картины возможного блаженства.

– А я о чем? – поддержал Валентин покачнувшегося друга. – Бери, короче, пользуйся.

– Но ты-то как же?

– Ерунда, – отмахнулся Валентин. – Мне папаша еще достанет. Или сам себе куплю.

– Так я сам куплю, – выкатил грудь Андрей. – Думаешь, не могу?

– Да можешь, можешь, кто б сомневался! – улыбнулся Валентин. – Пойдем-ка еще тяпнем.

– А пойдем.

Опираясь друг на друга, они дошли до двери, проковыляли мимо прижавшегося к стене охранника. Толпа хищно поглотила их раскачивающиеся фигуры.

* * *

Раннее утро принесло звон в голове и сушняк. Андрей пошарил по прикроватной тумбочке, стараясь найти стакан воды и «алказельцер», который должна была оставить дрессированная прислуга. Вместо этого рука его наткнулась на что-то прохладное и скользкое, похожее на кожицу живого крокодила, заснувшего в холодной воде. Андрей отдернул руку и даже зачем-то обер ее об одеяло. Осторожно подняв голову, чтоб не вызвать резким движением всплеск боли, посмотрел на странное. Это был сколковский конверт. В предрассветной темноте спальни он светился неярким голубоватым светом. Будто сам по себе. Андрей даже покрутил головой в поисках источника, который мог бы отражаться в конверте, но ожидаемого не нашел.

«Вот ведь нанотехнологии гребаные, – подумал он. – Страна в них миллионы вбухивает, а они светящиеся конверты изобретают. И хронопутешествия. Кстати!» Андрей схватил с тумбочки конверт, отстегнул клапан и запустил туда руку, достал карточку. Конверт потух, карточка же озарила комнату неярким голубым светом, в котором переплетались, словно живые, нити хитрого узора.

«О как!» – подивился он, разглядывая диковинку. Вот бы на стену такую, в размер картины. А лучше над бассейном. Надо будет узнать у Валентина, не сможет ли его папаша такое устроить. А это что? Он перевернул конверт и тряхнул. На одеяло выпал листок бумаги, вернее, не бумаги, а вроде как тонкого, гибкого пластика, на котором были напечатаны какие-то буквы. Переливающийся узор, как на карточке, только тусклее. Разобрать написанное можно, только немного в глазах рябит.

Андрей дотянулся до ночника и щелкнул выключателем, попутно чуть не опрокинув стакан с водой. Таки поставили. Не глядя схватил его и опустошил наполовину. А глаза уже бегали по явственно проступившему тексту.

Так, принцип действия, микросхема в токопроводящей биоактивной оболочке, растворимой желудочным соком. Ага. Оболочка растворяется, и хронотурист перемещается... Время пребывания зависит от толщины оболочки... Интересно.

Андрей заметил, что текста на пластиковой бумажке гораздо больше, чем должно было помещаться, каким-то неведомым образом тот прокручивался сам.

Никакими суперспособностями хронотурист не наделяется. Остается, как говорят англичане, «эз из», то есть если уж воевать в фаланге Александра Македонского, то держать копье и биться на мечах нужно учиться заранее.

А тут что подчеркнуто? В случае гибели обратно возвращается только тело. Даже если по частям. Нестыковочка какая-то. Если руку оторвало, а чип в желудке, то как же... Хотя, может, он на электрическое поле индивидуума настраивается. Потому и бактерии прошлого проникнуть не могут, у них-то поле другое. Логично. А вообще, по факту-то что это значит? Что если там концы отдашь, то навсегда. Андрей задумчиво пожевал край пластебумаги. С удивлением отметил, что следов от зубов на нем не осталось. А с другой стороны, когда в Африке один на один против льва выходил с эсвэдэшкой, гарантий тоже никто не давал.

Хм, а все же хорошая вещь – фантастические романы. Готовят людей к изобретениям на сто лет вперед. Тема попадающих в иные миры и времена путешественников во времени уже так обсосана нашими и не нашими писателями, что кажется реальностью большей, чем

достижения нашей промышленности. Да и трудно, конечно, сделать что-то менее видимое, чем те успехи промышленности, по правде сказать.

А это что? Тарифы. Наш – «Премииум». За миллион уёв? Как же иначе мог поступить Валентинов папа – понтораст, судя по рассказам отпрыска, полнейший?

И что нам в рамках тарифа предлагают? Точность по выбору от часа до суток. Хро-ноточность плюс-минус сутки. Максимальный доступный вес – пятнадцать килограммов. Попадание в любую точку истории земли в ближайший миллиард лет. А чего не больше? А, ну да, атмосфера, может, другая или вулканическая активность. Хотя если Помпеи посмотре-ть надумаешь в аккурат перед гибелью, то ведь можно и в жерле Везувия очутиться, плюс-минус километр. Вот блин. Или прямо в берлоге у голодного медведя. А потом чипец срабо-тает, обратно выкинет в том виде, который топтыгин переварить не успел, и собирай парня лопатами.

ТЬфу. Андрея передернуло, во рту образовался горький комок. Он поспешил запить его водой. А может, вернуть эту карточку на фиг? На, мол, дорогой Валентин, сам к своим медведям путешествуй.

Телефонный звонок ударил виброй по нервам. Андрей вздрогнул. Забытые за увлека-тельным чтивом похмельные чувства вновь кинулись терзать беззащитное тело. Он еще раз прополоскал рот тепловатой водой и нажал кнопку приема.

– Привет, – голосом Валентина сказала трубка. – Ты как?

– Здоров! – ответил Андрей сипло, попутно заметив, что голос друга был вполне проснувшимся, будто друг давно на ногах, а то и вообще не ложился. – В смысле привет, а здоровье – башка раскалывается.

– Немудрено, – не удивился Валентин. – Шампунь водярой лакировать... А все осталь-ное как?

– В порядке. Охрана до дома довезла, умыла, раздела и спать уложила. Не впервой. А ты?

– Да тоже подвезли. Слушай... – Чувствовалось, что он хочет спросить о чем-то важ-ном, но не находит слов.

Андрей не стал его подбадривать, тем более что смутно догадывался, о чем пойдет разговор. Наконец Валентин собрался с духом:

– Слушай, а та карточка, что я тебе вчера подарил...

– Ну?

– Ты ее не потерял?

– Нет, не потерял, – ответил Андрей, пожалуй даже слишком запальчиво. Он утвер-дился в своих подозрениях. Сейчас еще смелости наберется и станет просить обратно папин подарок. Ну уж вот фиг ему, сначала дарит, потом обратно просит. Сам поеду. – Сiju вот, изучаю. Выбираю место и время, – почти не соврал он.

– Понятно. – Голос Валентина потух. – Тогда удачно съездить.

– А это, кстати, куда ехать-то? – быстро спросил Андрей, пока друг не дал отбой.

– Это уж ты сам выбери. Вся известная история человечества в твоём распоряжении.

– Да не, я не про то, где площадка для запуска? В проспекте, – он повертел перед гла-зами пластиковую бумагу, – адрес не написан.

– Да, это место не афишируют пока по всем каналам. – В голосе Валентина жизни не прибавилось. – «Сколково-2», знаешь? Съезжаешь с МКАД на Сколковское шоссе, по нему до города Сколково, а оттуда до Ваковского лесопарка. Вот на территории лесопарка все это дело и находится. В лесочке корпуса стоят, пока все это обходится без вывесок. Шлагбаум охраняемый. Охране достаточно карточку показать, она пропустит, ответит куда надо.

Это Валентиново «куда надо» прозвучало как-то нехорошо. Андрей поежился, но решимости не потерял. Даже наоборот. Она крепла в нем с каждым мгновением. Он нащу-

пал таблетку от похмелья, закинул ее в рот, запил остатками теплой уже воды и скинул ноги с кровати. Организм на мгновение потерял баланс. Во рту снова образовался горький комок. Комната, едва подсвеченная первыми лучами из-за плотных штор, качнулась вбок, но устояла.

Он нашарил босыми ногами шлепанцы и поскользился на кухню по натертому до блеска антикварному паркету с вензелями неведомых графов. Этот паркет достался ему вместе с домом и был предметом особой гордости прошлого хозяина. Андрею он не нравился совсем, но оторвать и вынести на помойку не позволяло заключение комиссии ЮНЕСКО. Культурное, блин, наследие.

На кухне уютно побулькивал кофейный аппарат, распространяя вокруг одуряющий запах арабики. Теплая чашка тонкого фарфора стояла на салфетке посреди большого стола с мраморной столешницей.

Андрей плеснул себе в чашку ароматной жидкости и взгромоздился коленями на сиденье стула, локтями на специальную подложку, тоже подогретую невидимой прислугой. Отхлебнул. В голове прояснилось. Он хлебнул еще раз, улыбнулся, почувствовав, как организм приходит в норму. Достал из кармана шелковой пижамы карточку и положил на стол.

Она продолжала светиться холодным внутренним светом. Андрей покрутил ее пальцем по столу и отпустил, голубоватый рисунок стал ярче и слился в розу из светящихся кругов. Карточка сделала пару оборотов и застыла.

Хронопутешествия? Все это напоминало бред. Или розыгрыш. А что, вполне в духе Валентина. Но если уж допустить... Если уж мечтать, то лучше ни в чем себе не отказывать.

Если бы Андрею «повезло» упустить «большой хапок», стыдливо называемый у нас эпохой первоначального накопления капитала, по возрасту или складу характера, он стал бы историком. Причем специализировался бы не на рыцарях, там, всяких или королях времен начала конца упадка реставрации, а на истории России, от зарождения до наших дней.

Посмотреть, как князь Владимир Русь крестил? Или как Иван Грозный сына убивал? Или как Петр I боярам бороды стриг? Нет, опасно это все. Язык русский до Пушкина совсем другой был. Всякие там «бьяше», «понеже». А нравы простые. Что не так – ноздри вырвут и на каторгу как шпиона шведского или турецкого. Нет, явно надо что-то поближе, где можно за своего сойти, особо не напрягаясь.

Дуэль Пушкина? Или Лермонтова? Не дать поэту нахамить Мартынову. Спасти? Вдруг чего умного еще напишет, не здесь, так там. Ну да, а что потом делать там целые сутки, да еще среди офицеров или горцев кавказских? Ну их. А может, убийство Александра II Освободителя? Опять же, дел на пять минут. Да еще и под осколки бомбы Гриневецкого можно угодить или в охранку и провести там в кутузке отпущенный хронотуризмом срок. Или вот... Андрей аж вздрогнул от собственной смелости.

1920 год. Прибайкалье. Красные партизаны взрывают поезд, в котором люди, наложившие лапу на русское золото после ареста и расстрела адмирала Колчака, без ложной скромности именовавшего себя верховным правителем России, вывозят его за границу. Темная история. Почти 200 тонн золота исчезли бесследно. Уже почти сто лет его ищут. И любители, и профессиональные кладоискатели, и даже КГБ с ФСБ, говорят. Недавно экспедиция была, глубоководные батискафы привозили. «Миры». На них еще Джеймс Камерон подводные сцены «Титаника» снимал. Они дно Байкала обшаривали, сам тогдашний президент спулся посмотреть. Вроде ничего не нашли, а если б и нашли, кто б сказал?

Да и принести домой пару слитков золота с двуглавыми орлами или рублей золотых царских. Он защелкал в голове внутренним калькулятором, пересчитывая курсы. Получилось, что того золота, которого удастся принести с собой, только на полтора хороших джипа хватит. Не для наживы, какая там нажива, просто чтоб было. Другьям показывать, пусть

удивляются. Или в музей сдать, чтоб выставили с соответствующей табличкой. Мол, коллекция предоставлена бизнесменом таким-то. Чем он хуже Вексельберга с его «яйцами»?

К тому же один из прадедов его еще пацаном сопливым воевал на колчаковских фронтах. За красных. И отзывался об адмирале и его присных вовсе не так лестно, как показывают их в современных фильмах и сериалах. Да и образ из рассказов старика – комиссар в кожане, с шашкой наголо и маузером в деревянной кобуре на боку, скачущий по степи впереди отряда красноармейцев, с детства запал ему в душу. И вот он, отличный шанс.

Решено!

* * *

Через два часа лазурный «бентли» вез Андрея в «Сколково-2». Бортовой компьютер с упорством маньяка советовал заглушить двигатель и вызвать эвакуатор, так как машина, по его мнению, попала в сильно пересеченную местность. По большому экрану на передней панели бежали строчки информации. Андрей поглядывал на экран краем глаза, ухватывая только суть.

В августе 1918-го части народной армии полковника Каппеля при поддержке Чехословацкого корпуса взяли Казань. В телеграмме полковнику Чечеку: «Трофеи не поддаются подсчету, захвачен золотой запас России в 650 миллионов...»

Через две недели запас на двух пароходах отправили в Самару, потом перевезли в Уфу, а в конце ноября 1918 года он поступил в распоряжение правительства адмирала Колчака в Омске. 31 октября 1919-го золотой запас под усиленной охраной офицерского состава погрузили в вагоны. Золото и охрану разместили в 40 вагонах, еще в 12 находился сопровождающий персонал. Транссибирская магистраль на всем протяжении от Ново-Николаевска (Новосибирска по-нынешнему) до Иркутска контролировалась чехами, отношения с которыми у правительства Колчака были натянутыми. 27 декабря 1919 года штабной поезд и состав с золотом прибыли в Нижнеудинск. Там представители Антанты вынудили Колчака подписать приказ об отречении от прав верховного правителя России и передать эшелон с золотом Чехословацкому корпусу. 15 января 1920 года чешское командование выдало Колчака большевикам, которые его и расстреляли.

Андрей притормозил и всмотрелся в окрестный пейзаж. Заросшие бурьяном поля, темный лес в синей дымке, покосившиеся столбы с провисшими проводами. Вездесущие вороны. Что-то не похоже на гнездо модернизации и логово нанотехнологий. Сверился с навигатором. До намеченной цели еще километров тридцать. Он снова начал читать вполглаза.

7 февраля чехословаки возвратили советским властям 409 миллионов рублей золотом в обмен на гарантии беспрепятственной эвакуации корпуса из России. Народный комиссариат финансов РСФСР в июне 1921 года составил справку, из которой следует, что за период правления адмирала Колчака золотой запас России сократился на 235,6 миллиона рублей, или на 182 тонны. В некоторых ящиках, где некогда хранились золотые слитки, оказались кирпичи. Еще 35 миллионов рублей из золотого запаса пропали уже после передачи его большевикам, при перевозке из Иркутска в Казань.

Так, это все уже неинтересно. Эшелон. Андрей вернулся назад, нажал пару ссылок. А, вот. Белочехи снарядили эшелон для транспортировки почти двухсот тонн русского золота для отправки по Кругобайкальской железной дороге. Он вышел со станции Слюдянка в ночь с 10 на 11 февраля 1920 года. На станцию назначения, в Порт Байкал, состав не прибыл. По слухам, пути перед локомотивом взорвали красные партизаны. Точное место неизвестно, но говорят, либо 87-й, либо 121-й километр магистрали. Что произошло с золотом дальше, опять же неизвестно. По одной версии, состав слетел под откос, пробил лед и упал в озеро

– дорога там проходит по самому берегу. По другой – его растащили партизаны, по третьей – окрестные мужики, по четвертой...

– Через пятьсот метров поворот направо, – с расстановкой произнес навигатор.

Андрей сбросил скорость и удивленно завертел головой. Никакого указателя не было. А вот и поворот. Он крутанул руль, и «бентли» послушно съехал с асфальта на бетонку. Бортовой компьютер пискнул и подавлено затих: может, вокруг стоят глушилки всякой электроники?

Бетонка в две полосы, без ухабов, чуть выпуклая, чтоб не застаивалась вода, прямая как стрела. Она пересекала поле, вошла в лес и через восемьсот тридцать два метра по спидометру уперлась в автоматический шлагбаум. Рядом стояла пластиковая будка с большим тонированным стеклом. Влево-вправо от будки отходил высоченный забор со спиралью Бруно поверху. Крыша будки была сплошь усеяна видеокамерами. Наверное, камеры стояли и в лесу, потому что охранник, не обычное пузатое быдло из «бывших», а стройный и подтянутый, ждал его около шлагбаума. Одежда его очень напоминала форму американского полисмана. Начищенные ботинки, отутюженные брюки, голубая рубашка с коротким рукавом. Нашивки с мелкими, нечитаемыми буквами. На голове кепка с длинным козырьком и непонятными же эмблемами.

Жестом он приказал остановиться. Андрей нажал на тормоз. Сыто урча многосильным мотором, «бентли» затормозил перед шлагбаумом. Охранник подошел к опускающемуся окну, чуть наклонился и молча прикоснулся двумя пальцами к козырьку.

Андрей сунул в окно пластиковую карточку. «Нанополисмен» бросил на нее быстрый взгляд, еще раз козырнул, выпрямился и отошел от машины. Шлагбаум сам собой поднялся. Андрей неторопливо повел машину к разноэтажным домикам, виднеющимся за образцово ровными деревьями.

Двух- и трехэтажные, с витринными окнами и большими лоджиями строения. Только обшитые сверху каким-то непонятным материалом. Бетон – не бетон, кирпич – не кирпич? И окна покрыты пленкой переменной прозрачности: о своем комфорте нанотехнологии позаботились. Перед жутко официального вида двухэтажным зданием наблюдался асфальт, расчерченный на парковочные места.

Андрей припарковался, вылез из машины. У него захватило дыхание. После города с его пыльной взвесью и машинного кондиционера местный воздух казался невесомым, пустым. Он совершенно не наполнял легких. Чуть попривыкнув, молодой человек взбежал по крыльцу, хотел взяться за массивную дверную ручку, но дверь плавно отъехала в сторону.

Он очутился в высоком просторном холле. К нему тут же подошел брат-близнец охранника у шлагбаума. Андрей показал ему светящуюся карточку. Охранник не остановил, не окликнул, а лишь кивнул. Ну и ладно, подумал он. Дошел до середины холла и остановился, разглядывая двери на первом этаже и лестницы, ведущие на второй. Куда теперь? Неужели придется возвращаться к охраннику и спрашивать у него?

– Здравствуйте, – прервал его размышления нейтрально обходительный голос.

– Добрый день, – ответил Андрей и показал карточку неброскому человеку лет пятидесяти в сером костюме и с кожаной папкой под мышкой.

Тот кивнул и улыбнулся приветливо, хотя и несколько натянуто.

– Следуйте за мной, – вежливо, но казенно произнес он и пошел, не оглядываясь, по коридору.

Андрей поспешил за ним.

Вместе они пришли в оборудованный в стиле хай-тек кабинет. Большой алюминиевый стол неправильной формы, ортопедические кресла на суставчатых ножках, подстраивающиеся под вес сажающегося.

Неброский человек обогнул стол и уселся в солидное кожаное кресло. Положил перед собой папку и сложил на нее руки с дорогим маникюром. Андрей устроился бочком в кресле для посетителей.

– В какую эпоху собираетесь? – спросил мужчина.

«Приятно, – отметил про себя Андрей, – не задает дежурных вопросов вроде „По какому делу?“ или „Вы – хронотурист?“ Тем более что наверняка доложили с КПП». Вслух же ответил:

– Хотелось бы попасть в десятое февраля тысяча девятьсот двадцатого года, на южный берег Байкала, если конкретней, на восемьдесят седьмой километр КБЖД¹.

– Как точно, – улыбнулся мужчина. – И что там собираетесь делать, если не секрет?

– Узнать тайну пропавшего золота Колчака, – ответил Андрей. Скрывать свои истинные намерения смысла не было: даже если мужчина не знает, какие события разворачивались на Кругобайкалке в эти дни, – Интернет подскажет.

– Гражданская война? – покачал головой тот. – Довольно опасный период. И сибирская погода в феврале не очень.

– К сожалению, интересные события далеко не всегда случаются в комфортной обстановке, скорее наоборот, – усмехнулся он.

– Но Сибирь, холод, война...

– Хотите предложить что-то другое? – напрягся Андрей. Что-то в тоне визави ему не понравилось. К тому же он не представился и вообще вел себя как-то странно для простого служащего, призванного отвести клиента в камеру перемещения или куда там. Да и кабинет явно не для простых сотрудников. Он осмотрел стеллажи с грамотами, дипломами и кубками. На одном была крупно написана фамилия. Дронов. Фамилия Валентина. Вспоминать, как Вальку по бабушке, даже не стоит. Вот он, бабушка-то, сидит: – Или отговорить?

– Э... Ну... Понимаете... Валентин не должен был передавать кому-то карточку. Это наше... Семейное дело.

– Понимаю. Но он мне ее подарил. – Андрей почувствовал, как поднимается в нем волна гнева. Он давно приучился никому не отдавать то, что попало ему в руки, неважно, свое это или чужое. Да и настроился уже на путешествие. Был готов. А в дальнейшем запал мог пройти. И вместо Сибири и гражданской войны...

Он резко поднялся из удобного кресла:

– Где у вас тут отправляют? Ведите.

Мужчина за столом щелкнул тумблером переговорного устройства. Склонился к нему.

– Сергей, в холле клиент. Встретьте, пожалуйста, – проговорил он, интонационно-оскорбительно выделив «клиент», и махнул рукой по коридору, мол, не задерживаю.

Андрей пожал плечами и вышел в коридор, снова оказался в холле, где его уже ждал улыбочивый парень в синем комбинезоне с эмблемой «Сколково» на груди и форменной кепке на вихрастой голове.

– Здравствуйте, я ваш проводник. Вергилий, – хохотнул он. – Пойдемте, пожалуйста, за мной.

Они двинулись по другому коридору, казавшемуся гораздо длиннее, чем все здание снаружи. Опять нанофокусы или просто так хитро перестроили?

– Сейчас заведу вас в отдел информации, там заполните анкету, – тараторил парень на ходу. – Там нужно указать период, желаемое время пребывания и другие параметры в зависимости от тарифа. Отметить на карте желаемую точку прибытия. Если точно не знаете,

¹ Кругобайкальская железная дорога (сокращенно КБЖД) – историческая железная дорога в Иркутской области, в прошлом часть Транссибирской магистрали. Проложена прямо по берегу озера.

там есть компьютеры, подключенные не только к общедоступным ресурсам, но и к закрытым разделам разных библиотек. Можно уточнить, если что.

– А долго можно уточнять? – поинтересовался Андрей.

– Рабочий день до восемнадцати ноль-ноль, – ответил парень, глядя на часы. – А еще реквизит надо подобрать.

– Реквизит? – удивился Андрей.

– А как же? Или вы хотите на прием к Малюте Скуратову в костюме от Армани отправиться?

– От Бриони, – автоматически поправил Андрей. – Но нет, конечно. Я б хотел отправиться...

– Не надо мне говорить. В анкете все напишете, – улыбнулся парень. – Вот, кстати, и пришли. – Он распахнул дверь в небольшую светлую комнату, сплошь уставленную компьютерными терминалами – только мониторы и клавиатуры, системников видно не было, видимо, все подключается к одному мейнфрейму. – Садитесь и начинайте. Закончите – я к вам подойду. И браслет вот этот на запястье наденьте, он кое-какие медицинские показания снимет. А то, если давление высокое или с сердцем проблемы, в хронотур отправляться не рекомендуют.

Андрей поблагодарил кивком его удаляющуюся спину и уселся в ортопедическое кресло. Перед ним на экране сам собой всплыл бланк анкеты. Симпатично нарисованный, трехмерный. Заполнять его следовало с клавиатуры, а вот бегать по пунктам можно было просто взмахивая рукой. Водить вверх-вниз, вперед и назад, а сенсоры улавливали движение и двигали курсор. Прикольно.

Вопросов было много. Кроме стандартных – имя, фамилия, возраст, – касались они в основном цели пребывания и повторялись по несколько раз в чуть измененных формулировках. Андрею даже показалось, что это тест на психологическую устойчивость. Пожелания к амуниции. Так? Комиссарский костюм той эпохи. Рост, вес, параметры, какие известны. Плюс декрет... Тьфу, мандат. За подписью самого В. И. Ульянова (Ленина). Текст? «Подателю сего оказывать всякую помощь и поддержку в любом деле, которое бы он ни делал». Отлично. Желаемое время пребывания. Сутки? Не, что там сутки-то делать, тем более папаша прав, не май. Двенадцати часов хватит за глаза. Еще тогда можно будет успеть на баскетбол вечером с пацанами сходить. Если наши двенадцать часов равняются их. Ладно, по возвращении определимся.

Наконец все пункты были заполнены, и перед ним на экране появился земной шар, прорисованный удивительно натуралистично. Андрей «повращал» его с помощью невидимой мышки, нашел знакомые очертания озера Байкал. Приблизил. Вгляделся повнимательнее, сверяясь с мерными шкалами по бокам экрана.

Вот южная часть Олхинского плато. Между высокими скалами и темной синевой байкальской воды – узкая ниточка железной дороги, прерываемая тоннелями. Станция Слюдянка, от нее километров девяносто, это примерно тут. Он с силой ткнул пальцем, ставя на карте жирную красную точку. Настучал на клавиатуре время желаемого прибытия в прошлое.

Сергей появился почти в то же мгновение. За дверью дежурил кто ли? А ему кто-то сидящий за другим терминалом и следящий за процессом передал, что клиент – блин, папаша знал, чем задеть, – покончил с анкетой.

– Не, – начал Сергей с порога. – Так не пойдет.

– В смысле? – не понял его Андрей. Неужели папаша Валентина снова чинит препоны?

– Нельзя так точки перемещения ставить. Смотрите, тут вот скалы, обрыв, а тут сразу озеро начинается. Оно в феврале подо льдом, конечно. Но кто знает, какие там полыньи бывают. А если на склон приземлитесь? Там обрыв метров тридцать, так и скатитесь по

камням. Куда-то сюда нужно. – Он ухватил красную точку и потащил в глубь плато. Метров на восемьсот. – Аппаратура у нас достаточно точная, а на ВИП-тарифе мы еще большую точность даем, но лучше подстраховаться.

– А тут что?

– Да ничего, просто ровное место и лес достаточно далеко, чтоб с размаху попой на елку не сесть, – хохотнул провожатый.

Неприятный у него был смешок, старческий, совсем не вязавшейся с мальчишеской внешностью.

– Нет, я про вот это. – Андрей ткнул пальцем в ровные квадраты в самом углу огромного экрана.

– Это? – Сергей сдвинул кепку и почесал вихрастый затылок. – На деревню похоже. Бывшую. Одни фундаменты вон остались. Но домов было много, судя по всему.

– А в двадцатом году она существовала?

– Кто ее знает... – Сергей снова почесал затылок. – Все может быть.

– А вы в место предполагаемой высадки не заглядываете?

– Нет, – сухо ответил Сергей.

«Ну что, теперь можно?» – Андрею не терпелось окунуться в новый загадочный мир.

– Техникам надо еще время, чтобы настроить аппаратуру. А мы как раз в бутафорскую успеем. Приоденем вас по моде того времени. Просперо, наверное, уже все подобрал.

– Просперо?

– Да, оружейник наш. Как в «Трех толстяках». И по униформе разных времен он спец. Если что, поможет одеться согласно эпохе.

– А почему он в первую очередь оружейник, а во вторую уж специалист по костюмам?

– Востребованнее. Без оружия в прошлое еще никто не уходил, а вот в тех же джинсах, что пришел, – бывало, – улыбнулся Сергей.

– Понятно. А несчастные случаи были?

– У возвращенцев? Нет, ничего серьезного, царапины только. По частям еще никто не вернулся, если вы про это, – ответил Сергей, хотя тон его был не очень уверенным.

М-да, этот не скажет, хоть режь. Небось тут у них специальные тренировки проводят и учат клиентам про возможные неприятности не рассказывать. Как в Гоа. Типа, у нас тут все хорошо, приезжайте, гости дорогие и не очень. А что водичка плохая или скат может метровым шипом брюхо пропороть во время купания, то вам знать не обязательно. Везде одно и то же.

Следом за провожатым он очутился в большой светлой комнате с прилавком по типу магазинного из старой советской эпохи. На нем лежали какие-то кутули и свертки. За ними виднелась объемистая лысина невысокого человека в роговых очках с толстыми линзами. Большими мягкими руками он ловко перебирал какие-то железки, щелкая и вгоня одну в другую.

– Привет, Просперо. Я тебе тут привел вот. – Сергей посторонился, пропуская Андрея вперед.

Тот шагнул к прилавку. Просперо коротко кивнул и внимательно оглядел его фигуру. При этом руки его словно жили самостоятельной жизнью. Наконец раздался последний щелчок, и на прилавок лег маленький пистолет. Дамский. «Браунинг», – подумалось Андрею, хотя он вовсе не был уверен, что это браунинг, а тем более дамский.

– Это для меня? – улыбнулся Андрей.

– Это для двадцатого года, – ответил Просперо. Голос у него был низкий и бархатистый. – Вальтер модель пять, разработан в тысяча девятьсот пятнадцатом году, так что удивления ни у кого не вызовет. Автоматический пистолет с отдачей свободного затвора, под

браунинговский патрон шесть – тридцать пять миллиметра «ауто». Магазин коробчатый, сменный, на семь патронов. Если у вас в руках такой увидят, никто ничего не заподозрит.

– Круто! А маузер есть?

– Маузер? – Глаза оружейника сузились за стеклами очков. – Комиссарский?

– Ага.

– Есть и комиссарский. Подождите.

– Вы тут разбирайтесь пока, а я к ребятам, – встрял Сергей. – Нужно посмотреть, как там что. – Не дожидаясь ответа, он исчез за дверью.

Просперо вернулся и положил на прилавок деревянную кобуру, из которой торчала округлая ручка с кольцом для крепления ремешка.

– Такой?

– Да, такой. – Андрей схватил кобуру, откинул крышку и вытащил на свет божий огромный пистолет с длинным стволом. Глаза его загорелись.

– Вообще-то его называют маузером ошибочно. – В уголках губ Просперо появилось что-то похожее на улыбку. – Его разработали без ведома Пауля Маузера, но на его заводе братья Федерле. В тысяча восемьсот девяносто шестом году было начато производство и продолжалось вплоть до тысяча девятьсот тридцать девятого. За это время выпустили более миллиона штук. Модификация К-девяносто восемь, знакомая всем по кино про революцию, – это так называемая модель «Боло» (большевистский) под патрон семь – шестьдесят три. По сути, у немецких мастеров получился легкий карабин...

– Круто, – не слушая его, повторил Андрей. Схватил с прилавка зарядную рамку и попытался загнать в магазин патроны.

– Вот этого тут не надо, – остановил его Просперо, придерживая его руку. Пальцы оружейника были мягкими, но хватка железная. – Пуля три стены навывлет пробьет. И тех, кто за ними.

– Сорри, – извинился пристыженный Андрей. – А шашка?

– Вот уж шашка вам совершенно ни к чему, – снова улыбнулся Просперо. – Только лишний вес. Я бы и маузер не брал, ограничился бы вальтером. Вы стреляли когда-нибудь? Андрей только молча кивнул.

– Хорошо, тогда с этим разберетесь сами. Вот обмундирование. Теплое белье примерно того периода. Гимнастерка без петлиц, погон и орденов. Галифе кавалерийские, утепленные. Валенки...

– Валенки?

– Конечно, Сибирь же. Февраль.

– А можно что-нибудь другое, менее... – Андрей не нашелся, как обозвать, но Просперо его понял:

– Могу предложить унты. Правда, аутентичных у нас нет, только те, что перед Второй мировой летчикам выдавали. Но там, в Прибайкалье, такая катавасия в то время была, что они вполне могут сойти за поставки союзников.

– Годится. А это что?

– Тулуп укороченный. Я так понимаю, вам бы хотелось кожан, но не советую.

– Почему?

– Хорошие шансы вернуться обмороженным. Зачем вам это?

– Понятно, давайте ваш тулуп. И это... Треух что ль? – Андрей покрутил в руках то, что нынче называлось шапкой-ушанкой.

– Красную ленточку прикрепить? – спросил Просперо вежливо, но без услужливости.

– Спасибо, обойдусь. А это что? Бурнус? – Он развернул накидку с капюшоном.

– Башлык. Возьмите, пригодится.

– А не тяжело будет? – спросил Андрей.

- Лучше маузер оставьте, ограничьтесь вальтером, – вновь нахмурился Просперо.
- Ладно, беру. Ну что, вроде укомплектовались? Теперь что?

– Вот еще сумка. Тут всякие хозяйственные мелочи. Плюс мандат за подписью Ленина, как заказывали. Бумага примерно того периода, чернила тоже. Печать Реввоенсовета РСФСР, подпись – от настоящей графолог не отличит. Теперь запаситесь едой, и можно в дорогу. Только лучше перед перемещением не ешьте, вывернуть может. – Он обернулся к интеркому, щелкнул кнопкой, негромко проговорил в черную решеточку: – Сергей, забирайте.

Провожатый возник мгновенно, будто ждал за дверью, подхватил тюк с отобранной одеждой и повел Андрея дальше. Остановились они возле распашных стеклянных дверей, из-за которых тянуло вкусным.

– Тут у нас столовка, – пояснил Сергей. – Можете сейчас поесть, можете с собой чего взять. Идете? Тогда я пока это в переодевалку отнесу.

Андрей кивнул и потянул на себя дверь. «Столовка» носила на себе следы советского прошлого и высокотехнологичного... будущего? Кстати, а почему они в будущее не отправляют, только в прошлое? Или, может, отправляют, да никому особо не говорят? Да и ладно, нечего перед поездкой себе голову забивать.

Следуя совету оружейника, он не стал ничего есть, взял с полки лишь стакан пахнущего детством компота из сухофруктов. Отхлебнул немного и поставил на стол. Пошел в дальний конец. В специальный мешочек набрал энергетических батончиков, а в обнаружившийся в походной сумке термос, удачно замаскированный под походную офицерскую флягу, налил горячего чая. Вышел в коридор.

Сергей опять ждал его, привалившись к стене и что-то строча двумя пальцами на мобильнике. Не иначе, эсэмэску любимой.

– Кстати, а современные вещи с собой брать можно? – поинтересовался Андрей, проходя мимо него в переодевалку.

– Можно. Главное, чтоб не превышали установленного веса, – ответил провожатый.

Андрей зашел в гостевую комнату. Там имелся шкафчик, небольшой, но сделанный из очень толстой стали. Мало ли какие ценности ВИП-клиент захочет тут оставить? На привинченной к стене вешалке уже были развешены части его будущего обмундирования, рядом несколько пустых крючков. Хочешь – одежду так оставляй, хочешь – в шкафчик запири.

Андрей уселся на одну из скамеек и неторопливо, со вкусом переоделся, привыкая к каждой вещи. По молодости он немало ходил в разные походы и знал, сколько неприятностей могут доставить натирающий ногу носок или тесные трусы. Но, к его удивлению, все вещи словно на него и сшиты были. Неужели обмеряли на проходной хитрым объемным лазером? Или узнали его параметры через карточку, или у них тут запас хранится на все случаи жизни, как в павильоне киностудии?

Осознав, что тянет время, он надел гимнастерку, сунул ноги в унты, накинул на плечи полушубок, сверху башлык. Закрыв шкафчик и, комкая в руках шапку и походную сумку, вышел в коридор. При себе он оставил только часы и мобильник. По первым, понятно, время определять, а второй зачем – неясно. Умом он понимал, что сотовая связь вряд ли отыщется в 1920-м, но без него Андрей чувствовал себя как-то вовсе уж сиротливо.

Сергей вошел, оглядел его медведеподобную фигуру, цокнул языком.

– Что, хорошо? – поинтересовался Андрей.

– Увидел бы в лесу, обос... Испугался бы, – ответил проводник. – Пряма вылитый...

Кто вылитый, он уточнять не стал, да и Андрею было неинтересно. Проводник вышел в коридор, Андрей за ним. Шли, пока не остановились перед дверью, толщиной с сейфовую, с окошком из высокопрочного толстеного стекла. Дверь вела в просторный зал, посередине которого находилась странная архитектурная конструкция: купол, а внутри него круглый подиум белого цвета.

– Ну, вроде все, – сказал Сергей, когда они подошли к куполу. – Кристалл запрограммирован. Глотаете капсулу, встаете на круг и через несколько мгновений как... – Последние его слова проглотил вздох сходящихся створок.

К ним подошел лаборант – или кто он тут такой? – с подносом в руках. На подносе – блюдце, на блюдце – гомеопатическая горошина синего цвета. Неужели это и есть та самая капсула, что забрасывает в другое время?

На Андрея накатила неожиданная робость. Вся эта затея показалась чистейшей воды авантюрой. Но, привыкший брать быка за рога и все остальные органы, он шагнул к лаборанту и сжал в пальцах капсулу. А затем решительно сунул ее в рот и глотнул. Запил водой из стакана, чувствуя, как пилюля прокладывает себе путь в желудок. Шагнул сквозь открытую дверцу в куполе внутрь, услышал, как с мягким чмоканием эту дверь за ним закрыли, подошел к кругу, взошел на него, присел, сгруппировался, как было написано в инструкции, и закрыл глаза. Ничего не произошло.

Он приоткрыл один глаз, потом другой. Все было на месте – зал, люди по ту сторону прозрачного купола. Никто никуда не переместился. Вдруг показалось, что что-то мелькнуло у стены зала.

«Подстава, – подумалось ему. – Решили разыграть? Валентин сочинил историю про хронотуризм, подговорил папу устроить пропуск в какую-то лабораторию. А может, и правда на киностудию, сляпали антураж по-быстрому. Сейчас он так орлом посидит еще пару минут, и ворвутся пьяные и веселые друзья, размахивая початыми бутылками шампанского и распевая: „Хеппи бездей тебя“. А может, еще все это и на видео снимают. Вот суки!»

Он начал распрямляться. В этот момент его качнуло, тряхнуло, вывернуло словно внутрь себя и понесло куда-то. Вокруг что-то замигало. Желудок сжался, вытолкнув в горло комок горькой слизи. Голова закружилась, разноцветные пятна перед глазами слились в безумную палитру, перетекая друг в друга. Раздалось тонкое, надрывное пение флейт, переходящее в ультразвук. И когда уже казалось, что голова Андрея взорвется, звук неожиданно поутих и стал напоминать скорее вой метели. Обжигающий холод схватил за щеки, вцепился в пальцы. Что-то холодное и твердое царапнуло лицо.

* * *

Андрей пошатнулся. Протер глаза, но их снова тут же залепило. Снег? Сухой и колющий, он летел прямо в лицо почти горизонтально. Отвернувшись от снежных зарядов, он снова протер глаза. Переместился?!

Он стоял посреди заснеженного поля, края которого скрывались за снежной пеленой. Только угадывались впереди темные очертания верхушек деревьев на фоне клубящегося тучами неба. Порывшись немеющими пальцами в сумке, он вытащил меховые рукавицы и натянул их, попутно глянув на часы. 14:22, но это московское. А тут-то сколько? Он, помнится, заказывал десять вечера. Перевести или так оставить и отнимать когда надо? Или прибавлять? Черт, потом соображу. Блин, а холодно-то как... Это в городе в феврале от офиса до машины можно в кашемировом пальто без шарфа добежать, а тут... Хорошо, Просперо предупредил. «Ладно, поздно уже об этом думать, – решил он, – вернусь – отогреюсь».

Он неуклюже расправил накинутый на плечи башлык, надел капюшон на шапку, обмотал шею и подбородок свободными концами и, приложив руку козырьком к глазам, попытался осмотреться – как по заказу, снег почти прекратился. Ага, огоньки, дымки над трубами. Недалеко совсем.

Значит, и до места диверсии недалеко. И локомотив уже, наверное, разводит пары в Слюдянке. А партизаны, намеревающиеся его взорвать? Уже на месте? Заложили заряд? Или в лесу прячутся, или, может, вообще в деревне сидят?

Это в фильмах они без мыла и горячей воды по землянкам в глухомани прятались, а по-настоящему жили по деревням и представлялись вполне лояльными нелюбимой власти гражданами. А по ночам доставали из-под матрацев обрезы и шли воевать против тех, кому прислуживали днем. Хотя тут уже и прятаться особо не надо, наверное. Колчаковцам и их союзникам вдарили крепко, а кто остался, те жмутся к путям железнодорожным да станциям. Боятся, что натерпевшиеся за годы войны мужики на вилы поднимут. Причем своих в первую голову.

Только чего-то освещения нет ни фига. А, ну да, двадцатый же год. Эдисон уже, конечно, изобрел «лампочку Ильича», но до глухой сибирской деревни электричество еще явно не дотянули. Свечки да лучины в ходу. Ну, керосинка. Хотя нет, вон яркое что-то светится. И собаки брешут, как умалишенные. И тени какие-то мечутся по стенам. Что-то там происходит. Партизаны, что ль, уже на акцию собрались?

«Однако ж намело, – думал Андрей, с трудом выдирая ноги из снега. – О, околица уже, видать, метров на двести ошиблось оборудование. Хорошо, что в сторону деревни, а не к лесу, а то долго так не прошагаешь». В изнеможении он повис на чахлом заборе с едва держащимися на одном гвозде досками. За время марш-броска по заснеженной целине он согрелся и даже немного вспотел.

Едва слышный за ревом ветра, над деревней грохнул выстрел. За ним еще один. А вот это не к добру. Вряд ли партизаны будут палить в воздух, собираясь на ответственное задание. Чай, не горцы какие – сибиряки, народ сдержанный, суровый. Надо посмотреть поближе. Достав маузер и щелкнув предохранителем, он пролез под выломанной доской. Утопая в снегу, дошел до крайнего дома. Никого внутри. И дорожки не протоптаны. И стекла выбиты. И собаки нет, будка пуста. Да, многие тогда в теплые края да глухие леса подались, подальше от фронта, в надежде пересидеть. Еще один дом. Тут окошко светится. Надо бы стороной обойти. «О, черт!» – ругнулся Андрей, чуть не воткнувшись в невидимый за заносами метели забор в полтора роста. За ним зазвенел цепью, забрежал волкодав.

Касаясь рукой шершавых досок, дошел до угла, повернул. Улица. Стиснутая с двух сторон высоченными заборами, она вела к большой площади, посреди которой горел костер. У костра сутились люди, что делали – непонятно. Надо подойти поближе.

Он двинулся по неосвещенной улице. Темнота и периодически вылетающие неизвестно откуда снежные заряды надежно укрывали его от любых глаз, но рисковать не хотелось. Тем более что деревня: все друг друга знают.

У последних перед площадью домов Андрей остановился. Дальше идти было опасно, яркие сполохи огромного костра давали достаточно света, чтоб любой, кто обернется, мог его заметить. А вот в одном заборе ворота выбиты. И сам забор завален. И света за ним нет. Может, туда? Он свернул во двор. Занесенная снегом дорога вела прямо к крыльцу, за которым виднелась распахнутая дверь. Нет никого, да и ушли не сами, иначе кто б ее открытой оставил? Отлично. Если на второй этаж залезть, можно разглядеть все, что делается на площади.

Оставив на дорожке цепочку слизываемых вновь разыгравшейся метелью следов, он поднялся по скрипучему крыльцу. Прошел через сени в горницу. Справа русская печь. У стен рундуки и лавки. Занавески из веселого ситчика на окнах. Потухшая лампадка в красном углу. Посреди большой стол, на котором виднелся опрокинутый чугунок и несколько мисок. Кухонная утварь была разбросана по полу, будто хозяев вытащили из-за стола прямо во время обеда. Алые отблески костра окрашивали эту картину в зловещие цвета, не оставляя сомнений, что обитателей дома постигла горькая участь. «Гражданская война, блин! – покачал головой Андрей. – Все против всех».

Он отыскал взглядом лестницу на второй этаж. Крутая. «И скрипит, зараза!» – думал он, поднимаясь. Уперся руками в сколоченную из досок крышку и надавил. Что-то помешало

ей откинуться. Он надавил сильнее, наверху что-то качнулось и рухнуло с оглушительным в тишине пустого дома звуком.

Андрей скорчился, вжался в лестницу, не зная, что делать. Зачем-то достал из кобуры маузер. Однако вроде никто не расслышал. Сунув оружие обратно, он снова налег на крышку. На этот раз она подалась относительно легко.

Откинув крышку, Андрей влез на второй этаж. Он оказался нежилым. В углу свалены обломки старой мебели, какие-то доски. На полу сено, видать для лучшей теплоизоляции. Под крышей небольшое окошко, судя по сполохам, выходящее прямо на площадь.

Развязав башлык и расстегнув верхние пуговицы полушубка, он выглянул на площадь. Рядом с огромным костром, разложенным из крупных досок, – несколько саней, запряженных понурыми лохматыми лошадами. В снях и вокруг костра – люди в военной форме, явно легкой для этих суровых краев. Обдрипанные шинельки, кирзовые сапоги. На большинстве маленькие круглые папахи, на некоторых фуражки. Все повязаны женскими пуховыми платками и еще какими-то тряпками. В руках винтовки без штыков, направленные на плотную группу крестьян чуть в отдалении.

Видимо, у них шли переговоры. Офицер со стеком что-то кричал этим людям, грозя затянутым в черную кожаную перчатку кулаком. Переводчик переводил. Мужики отвечали нестройным хором. До Андрея долетали только отдельные слова.

– ...Батюшка, все подчистую выгребли...

– ...Знает, что должно быть...

– ...Под самое Рождество. Трех коров увели. Хлеба пудов двадцать. Самим жрать...

– ...Будет расстреливать каждого десятого, если не дадите...

«Чехословацкий корпус, видать, – подумалось Андрею. – Приехали с деревенских еды требовать». Ну да. Рассказывал дед, как это было. Красные придут – хлеба давай, белые придут – хлеба давай. Потом снова красные. А потом уж и мужики от отчаянья и голодухи за топоры и вилы берутся. Если, конечно, те или другие раньше в расход не пустят за поддержку противоборствующей стороны.

Какое-то движение привлекло к себе его внимание. Мышь? Да нет вроде, что-то крупное. Он обернулся, потянулся за маузером. Из дальнего конца чердака, куда не долетал свет от костра, метнулась юркая тень. Нацелилась на крышку люка. Андрей прыгнул ей наперерез, навалился, подмял. Вдавил дуло маузера в теплое и податливое.

Хрупкая фигурка под ним замерла, затихла.

– Ты кто? – вполголоса спросил он. – От кого прячешься?

– От того же, от кого и ты, – ответил пойманный человек тоненьким голоском. Совсем юношеским.

– Если отпущу, орать и бегать будешь?

– А сам как думаешь?

– Понятно. Ладно, отпускаю, но учти... – Он для острастки надавил стволом пойманному на ребра.

– Ладно, не пугай, без тебя страшно.

Андрей отстранился, повнимательней взгляделся в освещаемое багровыми отблесками лицо.

– Девушка?! – вырвалось у него помимо воли.

– Ну да, – ответила она, поправляя на голове сбившийся платок. – А что?

– Ничего, неожиданно просто немного, здесь, в такое время. От кого?... А, ну да. А это кто такие? Чехословацкий корпус?

– Они, собаки, – ответила девушка. – За едой опять прикатали. Голодно им, вишь.

– Лютуют?

– Эти-то? Нет, эти ерунда. Добром просят. Не то что каппелевцы, – производное от фамилии генерал-майора она произнесла с какой-то особой ненавистью. – Те бы уже давно каждого десятого расстреляли, а остальных выпороли.

– Тогда чего прячешься?

– Мне с ними все равно лучше не встречаться. А сам-то кто? Все спрашиваешь да спрашиваешь, а о себе не рассказываешь.

Андрей задумался. Почему она прячется от белочехов? По житейской причине – изнасиловать могут или вовсе убить? Или по политической? Как относится к красным? Стоит ли ей показывать мандат за подписью Ленина или просто сказаться отставшим от эшелона раненым, беглым дезертиром? Не, наверное, она все-таки против Колчака. А, была не была, решил он.

– Я комиссар Красной армии. Направлен в ваши края с особым заданием. Даже мандат есть, от самого товарища Ленина. – Он достал из сумки бумагу и помахал ею перед девичьим носом.

– Из самой Москвы, – ахнула девица. – И что, товарища Ленина видели?

«Товарищ? Это хорошо, значит, за красных», – рассудил Андрей.

– Да, видел пару раз, но мельком, а лично только один раз встречал, когда он мне мандат подписывал. Занятый он очень. Из своего кабинета в Кремле, почитай, и не выходит. Но мне поручение оформили.

– А что ж за поручение такое? – Девица аж подалась вперед, слушая.

– Прознал товарищ Ленин, что местные партизаны хотят поезд колчаковский с золотыми запасом России остановить. Да и велел мне: езжай, мол, товарищ Тихонов, это я, значит, на Байкал, да помоги местным товарищам на месте. Вот и мандат выдал. – Андрей снова махнул бумагой перед девичьим носом. И поразился былинно-гротескным ноткам, появившимся в его речи. Бытие определяет сознание, надо б с этим поосторожнее.

– Так откуда ж он про это прознал? – Глаза девицы округлились.

Андрей хотел пошутить, что, мол, из Интернета, как все, но вовремя спохватился. К тому же девица не была деревенской простушкой. Просто удивляться, как и проявлять другие чувства, еще не разучилась, как и все тут, наверное.

– Товарищ Ленин – он такой, все знает. – А про себя добавил: «Так вот легенды и рождаются». – А ты, смотрю, про это тоже в курсе.

– В курсе? Ну да, – пробормотала она.

– А ну, рассказывай все, что знаешь, – Андрей подпустил в голос командирские нотки.

– Эшелон с золотом сегодня в полночь, скоро уже, должен выйти из Слюдянки. Мне нужно успеть предупредить наших.

– Так ты что, в партизанский отряд идешь? Связная?

– Связная? – переспросила девица.

Андрей только отмахнулся, не обращая, мол, внимания.

– Я при штабе работаю. Вернее, в ресторане при штабе... – Она почему-то замялась. – Официанткой. Вот услышала, что на сегодня намечена отправка. Поспешила дяде сообщить, а тут эти. Пришлось прятаться.

«Вот это удача, – подумал Андрей. – Раз в жизни такое выпадает. Обидно только, что в хронопутешествии, а не в реале, по бизнесу например. Но хоть так».

– Проведешь меня к нему?

– Конечно, если сам товарищ Ленин послал. Вон как раз и чехи восвояси убираются.

Андрей выглянул в окно. Действительно, чехи разворачивали сани в сторону едва расчищенной дороги. Практически несолоно хлебавши. Несколько мешков да бочка какая-то. Да еще к задку последних саней привязаны несколько собак. Они рвались с веревок, но переусилить лошадиную силу не могли. Куда их, на съедение что ль? Блин, жалко песиков.

– Ну что, можно выходить?

– Лучше уйти тихо. Деревенские сейчас злые из-за убытков, чужих могут нехорошо встретить.

– Так ты им вроде не чужая?

– Я-то не очень, а вот ты – не сильно свой. Они могут и на мандат не посмотреть.

– Хорошо, куда?

– Давай спустимся потихоньку – и к лесу. Там у околицы дома брошенные, за ними нас видно не будет.

– Да ты что, там снегу по колено, несколько часов идти будем, – вспомнил Андрей свой путь в деревню.

– Это если ногами, а у меня снегоступы есть. Свои и еще одни заметила там у сарая. Пойдем.

Она взяла Андрея за руку и потащила к люку. Он откинул крышку и пропустил девицу вперед. Спустился следом, заметив с лестницы, что та шарит вокруг стола. Неужели съестное ищет? Может, батончик ей дать? Додумать мысль он не успел – не найдя ничего подходящего, девица выскользнула в сени, а там и на улицу. Андрей вышел за ней, на ходу застегиваясь и накидывая капюшон.

Ветер немного утих, и снежинки теперь не летели пулями, а медленно кружась, оседали на плечах. Горизонт прояснился, дышать стало легче. В разрывах туч появилась луна. Ее неяркого света хватало, чтобы идти уверенно, ни обо что не спотыкаясь.

Они довольно быстро добрались до околицы, как раз около того дома, к которому вышел Андрей. Девица забежала за сарай и вернулась с парой широких лыж. Не целиковых, а каркасных, гнутых из целых прутьев и обмотанных поперку лыком.

– Приматывай пока к ногам, сейчас я другие принесу, – бросила она и снова убежала.

Пока Андрей разбирался с веревочными креплениями, она снова вернулась, неся другую пару, поменьше.

– Да нет, тут вот так, а это сюда продевай и тяни, – объяснила она, на ходу приматывая свои. – Ну вот, теперь вставай. Нет, не так, не как на обычных скользи, а ноги поднимай и шагай. Ага. Вот, проваливаться не будешь. Совсем вы там у себя в Москве и Петрограде жизни не знаете, – засмеялась она, мило морща носик.

Не слушая его возражений, развернула тупые носы своих лыж к лесу и зашагала, высоко задирая колени. Смешно, но достаточно грациозно. Ему ничего не оставалось, как последовать за ней.

Минут десять они молча шли по снежной равнине. Андрей экономил дыхание и привыкал к такому способу ходьбы. Наконец он немного освоился и окликнул девушку:

– А чего тут чехи делают? Большие станции-то далековато.

– По всей дороге разъезды и гарнизоны на каждом полустанке, – ответила она, не оборачиваясь. – Чужих отгоняют, хотя и странно. Эшелон бы лучше незаметно прогнать, не привлекая внимания. Ну да кто их, европейцев, разберет? Ну и продовольствие запасают по возможности.

– Понятно, – ответил Андрей, а про себя добавил: «Там же золота больше чем на Клондайке». – А ты сюда как добралась?

– Сначала на паровозе, который путейцев возит, потом на снегоступах. Тут недалеко, версты четыре.

«Да уж», – подумал Андрей, у которого с непривычки начали болеть ноги. А прошли-то всего – он оглянулся на едва заметные огоньки деревни – метров восемьсот.

– А далеко в лесу отряд?

– Нет, не очень. Правда, наши давно в деревню не ходят. Больше охотой живут.

– Что ж так?

– Мужиков тоже понять можно: узнают колчаковцы, что деревенские партизан подкармливают, пожгут все. Да и еды на двадцать мужиков не вдруг напасешься.

– А на фига они в красные пошли? Сидели бы себе спокойно, землю обрабатывали, ни в какие авантюры не ввязываясь. Красная армия уж сама как-нибудь с белыми разберется.

– Как знать? Колчаку кто только не помогает. И англичане, и американцы, и японцы, и чехи вот, и поляки, румыны, китайцы. Половина географии. Оружием снабжают, провизией. Сами за него воюют.

– Так и что, думаешь, под красными лучше будет, чем под Колчаком?

– Красные пока только обещают, землю всем, да мир, да хлеб. А белых мы уже повидали. Они целые деревни пороли, мужиков, баб, детишек малых. Всех. Расстреливали деревнями же. Вешали. По домам запирали да жгли. Глаза вырывали, кишки. Тут такое творится... – Она замолчала на полуслове.

– Понятно, помогают, значит, мужики Красной армии по мере сил? А дядя у тебя партизанским отрядом командует?

Она кивнула, не оборачиваясь.

– А родители где?

– Каппель, – коротко ответила она, и от слов ее повеяло могильным холодом.

«М-да, впору таким упырем детей пугать», – подумал Андрей, удерживая себя от следующего вопроса. Не надо девчонке душу травить.

Наконец добрались до леса. Ветер окончательно утих, разогнав перед этим тучи. Воздух стал тих и прозрачен. Снег под ногами заискрился в свете полной луны. Тени от ветвей легли на него причудливым узором.

– Господи, красота-то какая! – невольно вырвалось у Андрея.

– Что? – Девушка остановилась так резко, что он чуть не наступил на концы ее снегоступов.

– Красота, говорю, – повторил Андрей, чуть не закашлявшись от попавшего в легкие холода.

Она посмотрела на него странно, мол, не поймешь этих городских, и свернула в узкую расселину, поначалу неглубокую, но круто уходящую вниз. Изредка прорывающаяся сквозь тучи луна высветлила сглаженные временем стены с нависающими над дорогой каменными глыбами. Они-то и задерживали основную часть снега наверху, не давая занести дорогу. Девушка присела на камень, отцепила снегоступы, ловко связала их вместе и закинула за спину.

Андрей присел рядом, попытался развязать путаницу веревок, но замерзшие пальцы не слушались. Девушка нагнулась, в несколько движений распутала узлы. Улыбнулась открытой, почти детской улыбкой и пошла вперед по уходящей вниз тропе.

Он поспешил за ней.

Лощина, извиваясь змеей, уходила все глубже. «Наверное, русло реки», – думал Андрей, разглядывая высокие обрывы. Текла она к Байкалу тысячи лет, прорезая и полируя скалу, да где-то пресеклась, нашла новое русло, а это теперь вот...

Неожиданно стены разошлись в стороны, и они очутились в глубокой каменной чаше, раньше, видимо, бывшей небольшим озерцом. В центре ее стояли несколько приземистых, срубленных из толстых бревен домов с курящимися сизым дымком трубами. Пара сараев. Поленицы, какие-то тряпки и чугунки на плетнях. На столбах масляные фонари со специальными абажурами, чтоб свет не рассеивался по сторонам. Небольшая деревенька или, скорее, хутор. Для партизанского логова очень даже неплохо.

– Пришли что ль? – спросил Андрей.

– Ага, пойдем, я тебя к дяде отведу.

– А что ж раньше-то караулов не выставили? Только тут.

– Был там караульный, только внимательностью городские не отличаются, – усмехнулась девица.

– А...

Они свернули на протоптанную тропку, ведущую к самой большой избе. Снега тут почти не было, и вообще в котловине было значительно теплее, чем наверху. «Может, термальные воды или вулканы близко?» – подумалось Андрею. Хотя какие тут вулканы, сама по себе речка, если не замерзает, имеет вполне приличную теплоемкость, чтоб обогреть этот уютный закуток. По-любому классное место для курорта. Железка недалеко, природа обалденная, Байкал рядом. От иностранцев, желающих причаститься русских красот, отбоя не будет. Если журналиста пригласить с телевидения какого-нибудь, чтоб сюжет сняли. Вон как про долину гейзеров. Недешево, конечно, выйдет, но и выхлоп...

– Эй, ты чего задумался? – Девица дернула его за рукав полушубка.

– Да так, – вернулся он в мир, ставший на ближайшие часы для него реальностью, и с удивлением созерцая стоящих перед ним бородачей с охотничьими двустволками наперевес.

– Ну, подтверди им. – Девица снова дернула его за рукав.

– Что? – хлопнул ресницами Андрей.

– Что ты из Москвы, самым товарищем Лениным сюда посланный. Бумагу покажи.

– Да, покажи бумагу, – протолкнул слова сквозь густую растительность на лице один из них.

– Вот. – Андрей порылся в сумке и извлек мандат. Протянул бородачу.

Тот благоговейно принял из его рук бумагу, отстранил, приблизил к самому носу, шевеля губами.

Если он и умел читать, то по слогам, с трудом подгоняя один к другому, а может, просто делал вид.

– Ну что, прочитал? Увидел подпись самого товарища Ленина? – спросил Андрей, припомнив, чему его учили на курсах управления людьми.

– Да, прочитал, – ответил мужик, которому неудобно было признаться, что не осилил, и отвел винтовку. – Проходите.

Второй молча отступил в сторону. Миновав пост, они прошли по широкой расчищенной дороге к самой большой избе. Поднялись на крыльцо. Зашли в сени без стука. Девушка привычно зачерпнула ковшом из стоящей тут кадушки ледяной воды и отпила. Не оборачиваясь, протянула Андрею. Тот принял, но пить побрезговал, вспомнив крошки, застрявшие в бороде караульного. Он ведь тоже наверняка прикладывался.

Девица открыла дверь, отстранилась от клубов пара и дыма, вырвавшегося из теплой горницы в холодные сени. Нырнула внутрь. Андрей шагнул следом.

В комнате было жарко натоплено. Ощущался крепкий мужской дух и какой-то кошмарный запах, отдаленно напоминающий выхлоп «Беломора». Махра, догадался Андрей, заметив в руках и ртах сидящих за столом мужчин самокрутки.

Мужчин было человек десять. Они низко склонились над листом бумаги, расчерченным какой-то схемой. Не меняя положения тел, разом обернулись на скрип открываемой двери. Сцену можно было бы счесть комичной, гоголевской, если б не их лица. Истинно русские, бородастые, с суровыми складками над переносицей и тяжелыми, давящими взглядами из-под кустистых бровей. И фигуры под стать. Массивные, литые, плечистые, кряжистые. Руки и ноги не мускулистые, но толстенные, как бревна, привычные к тяжелой работе. И кулачищи пудовые, иначе не скажешь. Такими в фильмах про революцию изображали обычно кулацких предводителей. М-да...

Девица метнулась к одному, самому грозному на вид, чмокнула в щеку и что-то быстро зашептала на ухо.

Тот встал, поправил веревочный пояс под выпирающим животом, – а не голодают тут партизаны, – и вразвалочку подошел к Андрею, смерил взглядом с ног до головы. Поскрипывая мягкими сапогами, покачался с пятки на носок.

– От самого товарища Ленина, значит? – медленно, с расстановкой проговорил он.

– Да от него, мандат вот. – Андрей зашарил в сумке, отыскивая бумагу.

В этот момент у него завибрировало под сердцем, заиграла «Макарена». Он сунул руку за пазуху и выудил мобильник, взглянул на экран. Напоминалка: «23:00. Эльвира. „Ашхабад“». «Какая Эльвира, какой „Ашхабад“, ресторан что ли? Не помню».

Нажав кнопку отбоя, он сунул телефон обратно за пазуху. Хлесткий удар в лицо опрокинул его навзничь.

* * *

Андрей пришел в себя. Почувствовал пульсирующую боль в скуле и привкус крови на губах. Попытался вытереть ее, но не смог шевельнуть рукой. И ногой не смог. Открыв глаза, он понял, что сидит на лавке в самом углу, упираясь одним плечом в одну стену, другим – в другую. Полушубка, шапки и унтов на нем не было. Руки связаны за спиной, не только в кистях, но и в локтях. Ноги – в щиколотках и коленях. Перед ним тяжелый стол, удачно расположенный так, чтоб из-за него быстро не выбраться.

На столе рядом: мобильник, энергетические батончики, часы и пара визиток с его фамилией и должностью. По одной стороне на русском, по другой – на английском. В углу каждой – голографический логотип его компании. Офсет, тиснение фольгой, эксклюзивный дизайн. Вальтер и пустая кобура от маузера на другом конце стола, на таком отдалении, что и в прыжке не дотянуться. Даже зубами. Маузер в руках у командира партизан. Рядом с ним девица, избавившаяся от платка и полушубка. Свежая, румяная, то ли от мороза, то ли от висящего в комнате напряжения. Хороша, чертовка.

– Очнулся, лазутчик, – скорее утвердительно, чем вопросительно проговорил командир.

– Да какой он лазутчик, у него ж мандат за подписью... – Девица повисла у него на руке.

– Цыц, – стряхнул он ее, как игривую собачонку. – Охолони. – И мрачно взглянув на Андрея, сказал: – Ну, рассказывай?

– Чего рассказывать-то? – пробормотал тот, кривясь от боли в разбитой губе. – Она уже вам все поведала наверняка. Из Москвы я. Со специальным поручением помочь вашему отряду остановить колчаковский поезд с золотом, который выходит сегодня со станции Слюдянка. Сам товарищ Ленин выдал мне на это мандат. Прочитайте сами.

– Прочитал уже. А что, так вот тебя прям одного послали?

– Не одного, нас целая спецгруппа была. Снайпер, подрывник, переводчик с английского и японского, несколько бойцов на подхвате, – начал сочинять Андрей. – Но не доехали еще до Екатеринбурга, холерой их скрутило или другой какой-то болезнью. Такой понос открылся, что пришлось там ссадить. А я дальше отправился. Сначала по Транссибу на паровозе. Ну, а уж потом через фронт на лошади да на своих двоих. Вот и добрался.

– И сколько ж ты ехал?

О, черт, сколько ж тут... В километрах?

– Ну... Больше месяца, почитай. Рождество и Новый год в вагоне встречал, – соврал Андрей наудачу. Кажется, прокатило.

– И откуда ж Ленин узнал про тот поезд еще в прошлом году?

– Ленин – он такой, он все про всех знает. А чего не знает, то верные люди ему доносят.

– Хм. – Мужик пожевал бороду. Было видно, что он мало верит рассказу Андрея. – А вот это все откуда? – Он указал толстым пальцем на предметы на столе.

– Так из разных мест. Что-то от англичан, что-то от французов. Америка иногда помогает. Сейчас молодую советскую республику – вот гребаный плакатный стиль! – многие страны признали и уважать начинают. И помощь шлют всякую.

– А это зачем? – Он поднял со стола мобильник, покрутил в руках.

– Это? Это прибор такой американский. Арифмометр называется. Можно на нем цифры разные складывать, быстрее, чем на счетах, в сто раз. Давай покажу. – Он дернулся в путях.

Мужик посмотрел на него внимательно, но развязать не предложил.

– Ладно, – махнул он рукой, – пусть ты хоть Ленина посланец, хоть колчаковский прихвостень, все равно. А у нас дело.

– На поезд, что ли, собрались? – спросил Андрей.

– Не твое дело, – отрезал командир и, открыв дверь в другую комнату, крикнул: – Амвросий, выводите его!

Оттуда появился высокий мужик. Коротким ножом взрезал путы на ногах Андрея и, подняв за шкуру, поволок вон из избы. Последнее, что он увидел, были широко распахнутые, полные слез девичьи глаза.

Амвросий вывел его в холодные сени. Андрей остановился, уперся ногами в пол.

– Ты чего ж делаешь, ирод?! – вскрикнул он. – Обуться хоть дай.

– Иди. – Могучий Амвросий толкнул его так, что Андрей, пробежав десяток шагов, впечатался во входную дверь. – Не успеешь замерзнуть.

– Куда меня?

– Известно куда.

Андрей не видел, но точно знал, что мужик за его спиной недоуменно пожал плечами. Какой, мол, непонятливый.

Амвросий вытолкал Андрея на крыльцо. Голые ноги его поехали на обледенелых досках, связанные за спиной руки не дали смягчить падение. Он скатился вниз и замер на холодной земле, прижимаясь к ней ушибленными ребрами, в надежде хоть немного смягчить боль.

Не обращая внимания на стоны, Амвросий вздернул его на ноги и погнал дальше, к стоящим на краю поселения сараям. Вот блин, сейчас запрут и просидит он тут до окончания отпущенного на этот мир срока. Потом сработает чип, и вернется он в овальную комнату ни с чем, как побитая собака. «А и впрямь побитая, – невесело усмехнулся он, прислушиваясь к боли в ребрах и шевеля пальцами, пытаюсь понять, отморожены они или пока еще нет. – Вот страховая компания-то поплатится», – злобно подумал он.

Амвросий провел его мимо первого сарая, в котором, кажется, держали коров, мимо второго, от которого ощутимо тянуло свиарником, завернули за третий, пустой и покосившийся. «Куда это меня?» – подумал Андрей и тут же понял куда. Впереди он увидел остов еще одной постройки, когда-то бывшей крепким кирпичным домом на высоком обрыве. От него остались две стены. Та, что обращена к деревне, с пустыми проемами окон, и дальняя, без окон вовсе. Передней, где должна быть дверь, и боковой не было. Маленький клочок скалы за ней стремительно обрывался вниз, темнея в сумерках.

Так это они его расстрелять хотят? И с обрыва сбросить? В голове Андрея помутилось от попыток осознать происходящее. На дворе двадцать первый век... Стоп, никакой не двадцать первый, а самое начало двадцатого. Гражданская война, простые нравы. Прадед рассказывал, что тогда особо никто человеческой жизнью не дорожил. Враг – в расход, вражеский подпевала – в расход, подозрительный прохожий на улице – в расход. Перед его мысленным взором всплыла строчка контракта в голубоватом сиянии: «В случае гибели обратно возвращается только тело». Суки!

Расстрельная стена надвинулась, заслонила горизонт. Андрей услышал за собой щелчок взводимого затвора. Приемом, запомненным еще по институтским занятием тхэквондо,

он подпрыгнул, что было силы отмахнул ногой назад, метя по уровню груди. Обрез вырвался из рук палача и отлетел за границу даваемого фонарями света. Прицелился ударить второй раз, но противник оказался быстрее. Толкнул его пудовым кулаком в грудь. Спина столкнулась с кирпичной кладкой. К счастью, дыхание не сбилось. Нырнув под способный свалить быка удар, Андрей со всей силы ударил головой в живот Амвросия.

Полушубок и тюлений слой жира смягчили удар. Палач крикнул, поймал Андрея поперек тела и снова отшвырнул. Опять удар о стену спиной и затылком. На этот раз свет в глазах померк. Он сжался в комок, ожидая смертельного удара, но его не последовало. Вместо этого на него сверху навалилась воняющая прелой овчиной и луком туша. Подмяла, но не схватила за горло, не стала бить или душить.

Андрей поморгал и чуть не вскрикнул, увидев прямо перед собой огромное лицо с закаченными под лоб глазами. Открытый рот не сдерживал обметанный белым налетом язык в клейких нитях слюны.

– Ты живой там? – раздался над ухом девичий шепот.

– Вроде, – ответил он, чувствуя, как с рук сползают перерезанные путы.

– Тогда вылезай и беги давай.

– Куда я побегу? – спросил Андрей, вылезая из-под обмякшего тела. – Ты его этим что ли? – Он кивнул на топор в руках девушки, хотя и так все было ясно.

– Вот не знаю, но подальше отседова. А то или Амвросий сейчас очухается, или другие прибегут, и тогда тебе точно не жить.

– Да как же я... – Он едва смог пошевелить окончательно задубевшими пальцами.

– На вот тебе портянки, сапоги твои хитрые и плащ. Полушубок и рукавицы Зосим Саввич унес куда-то с остальными твоими вещами вместе. А снегоступы я тебе захватила, там, наверху, снегу немного, но, может, и пригодятся. Да одевайся же скорее, не хлопай глазами.

Под суровым взглядом девицы он с трудом намотал портянки на опухшие ноги. Морщась от боли, натянул унты.

– Ничего, расходишься, – подбодрила его девушка.

– А зачем ты это делаешь? – спросил он, с кряхтением натягивая второй унт.

– Что?

– Ну, меня спасаешь. Вон человека по голове отоварила, хорошо не убила. Они-то тебе родственники да знакомые, а я так, первый встречный.

– Гады они, а не родственники. Похоже, только прикидываются, что за красных да против Колчака, а на самом деле просто царское золото хотят заграбастать, как разбойники какие.

– Зачем им в этой глухомани золото? – удивился Андрей. – В подпол спрятать? Хотя... – Он сам понял нелепость своего вопроса. Золото нужно было человеку всегда, и чем больше, тем лучше. С ним можно было хоть что. Хоть земли скупить, хоть скотины, хоть домик в Китае. Они ж еще не знали, какие порядки установят тут большевики к году эдак двадцать восьмому. Военный коммунизм, продразверстка, границы на замке...

Он справился с сапогами, накинул на голову капюшон, обмотал вокруг плеч полы башлыка. Сунул руки в карманы галифе.

– М-да, видок. На вот, возьми, пригодится. – Она сунула ему под мышку обрез. – Да беги давай, не стой. Краем обрыва сейчас до стены дойдешь, там присмотришься повнимательней, распадок есть. По нему наверх вылезешь. Прямо пойдешь, на берег выйдешь, к железке. Там, может, встретишь кого, чего придумаешь, а тут тебе точно не жить. Все, беги давай.

Он шагнул в указанную сторону, потом остановился, повернулся к девице:

– А тебе-то ничего за это не будет?

– Переживу как-нибудь, – отмахнулась она.

– Спасибо, – пробормотал замерзшими губами. – А как тебя зовут-то?

– Катериной кличут, – ответила она, потупив взор. – Все, ступай, видишь, задержался. – Она кивнула на Амвросия, который кряхтел и ворочался на стылой земле, как медведь в берлоге.

– Спасибо, Катя, – пробормотал Андрей. Чмокнул ойкнувшую девушку в лоб и быстро зашагал куда было указано.

* * *

Андрей подтянулся на руках и перекатился за край естественной стены, укрывавшей негостеприимную долину. Ветер с воем набросился на новую жертву. Подтолкнул в бок, пытаясь скинуть обратно. Превозмогая его порывы, парень поднялся на ноги и осмотрелся.

Он очутился на каменистом плато, полого сбегающим вниз, должно быть к Байкалу. Растительности было мало, в основном кустарник. Чахлые березки, почти не отличающиеся от него ростом, тоже стелились по земле, цепляясь скрюченными корнями за тонкий слой плодородной почвы. Снега действительно было – хомячку не зарыться. Ветер, свободно гуляющий по равнине, сдувал его вниз. «Самого бы не сдуло», – подумал Андрей, забрасывая за спину снегоступы – хоть какая-то защита – и глубже пряча руки в карманы.

До возвращения еще часов пять, может, шесть, точнее не определишь, часы потырили гадские партизаны. Вместе с зажигалкой. Даже костра не развести, чтоб слегка отогреться. Хорошо все-таки, что он не абориген и тут не навсегда.

Куда деваться? Добраться до леса, вырыть там берлогу в снегу и подождать, пока сработает чип, надеясь не застудить себе внутренности? А то неохота по возвращении кровью писать. Если будет оно, это самое возвращение. А то ведь начудил что-то Валентин с подарочной картой. Погорячился. Может, даже семейный бизнес под угрозу поставил. А если так, то папаша может что-то там сбить в настройках и, вместо того чтоб вернуть на исходную, отправит его чип куда-нибудь миллиарда на четыре лет назад, когда еще наша галактика из газопылевого облака только формировалась, а планеты Земля не существовало в природе. Нет, такие мысли надо гнать от себя каленой метлой и поганым железом, тем более что за такие «ошибки» наказание серьезней будет, чем просто за сам факт передачи или потери карточки. Все будет хорошо, чип сработает и вернет его обратно. Надо только пережить оставшееся до возвращения время.

Таки отрыть берлогу? Или все-таки спуститься к озеру и посмотреть, что ж все-таки с поездом станет? До события-то часа два-три, не больше. Второе – оно лучше, конечно, Только одеждой, хоть какой, надо разжиться. Или просто достаточно большим куском тряпки, в которой можно проковырять дыру для головы и накинуть на плечи, как пончо. Без нее протянуть будет весьма затруднительно. Он прижал к телу обрез. Хотел достать и проверить патроны и ход затвора, да плюнул, решил не морозить руки о железо.

А это что там такое? Ему показалось, что вдалеке, в паре километров, мелькнул огонек. Жилище?

– Ну, тогда извините, ребята. – Он снова прижал к телу обрез, чувствуя его весомую холодность. – Считайте, что на полушубок, одеяло или шкуру звериную вы попали. И еще на еду какую-нибудь. Раз уж тут такие правила. Как это у большевиков называлось? Экспроприация? А что, красивое слово. Честнее было б назвать грабеж или разбой, но если ради великого дела... А какое дело может быть более великим, чем спасение собственной шкуры? – Он поймал себя на том, что говорит вслух.

«Черт, да это истерика почти, – понял Андрей. – Отягощенная словесным поносом. А он-то думал, что „демотиватор“² с ветераном Великой Отечественной и подписью „Он выжил там, где ты не протянул бы и дня“ – это гипербола. И метафора заодно. Нет, вполне себе реальность. Слава богу, не захотел на блокаду Ленинграда взглянуть или на мясорубку под Прохоровкой³».

Огонек приближался. Он не был похож на гостеприимный свет, льющийся из окна деревенской избы. Скорее костер. Неужели такой же, как в деревне, недалеко от места его «высадки»? Разожженный белочехами, чтоб лучше видеть экспроприруемое добро? Тогда урвать себе что-то будет ой как сложно. Или наоборот. Под шумок? Ладно, и вторую серию словесно-мысленного поноса пора заканчивать. Брать себя в руки и действовать. Тем более огонек начал разрастаться и обретать формы. И формы эти Андрею совсем не понравились.

На плато рядом с нагромождением камней горело несколько очагов. Около них, не обращая внимания на пронизывающий ветер, сутились люди в широких длиннополых одеждах и высоких шапках с загнутыми полями. Шуровали в огне палками, подбрасывали пучки травы, сторающие ярким пламенем. К некоторым очагам выстроились очереди из людей со свертками в руках. Дождавшись своей очереди, они складывали эти свертки у очага или кидали прямо в огонь. Некоторые поливали землю вокруг молоком или кумысом, или что у них там было. Неподалеку группа юношей водила хоровод вокруг покосившейся каменной бабы с грубо высеченным лицом.

Чуть в стороне горели еще несколько костров побольше, над которыми стояли медные казаны. Рядом тоже сутились люди, закидывая туда куски мяса, вываливая ведрами набраный неподалеку снег.

Женщин среди них, насколько он мог судить, не было. Зато было много детей обо-его пола. Они чинно, наравне со взрослыми участвовали в обрядах. Подносили воду, дрова, помешивали еду, варящуюся в стоящих поодаль котлах.

«Вот ведь повезло, – подумал он, – еще и на обряд языческий посмотрю. А может, подойти к ним, подсесть? Может быть, накормят, напоят? Так время до утра и скоротаю. Хотя...» Он взглянул в дикие лица празднующих и подумал, что лучше с ними не встречаться, вдруг на этот обряд не принято не только женщин, но и чужих пускать? Или?

Он прислушался к телу. Больше всего замерзли колени и локти. До ломоты. И еще нижняя челюсть. На каждое движение она отзывалась мучительным, тягучим спазмом, отдающим в зубах. Нет, так он до утра точно не дотянет.

Приметив пару навесов, он стал приближаться к ним, обходя место праздника большим кругом. Ветер дунул в его сторону, донес тепло костров и вкус жарящегося мяса. В животе заурчало.

Согрев пальцы чуть теплым на морозе дыханием и намотав на руку край башлыка, он вытащил из подмышки обреза. Оттянул затвор. Латунная гильза весело подмигнула ему отражением лунного света. Щелчком дослал патрон в патронник и попробовал пальцем предохранитель. Несмотря на холод, смазка не потеряла вязкости. «Отлично, – думал он, прячась за редкими кустами, – нож бы еще не помешал, но при наличии обреза можно и ножом в стойбище разжиться». Конечно, переть на весь лагерь, как бык на ларечников в девяностые, он не собирался, но пугнуть кого, а то и стрельнуть для острастки – это запросто.

До юрт он добрался довольно быстро, присел за большим камнем, взглядываясь и вслушиваясь. Поблизости никого, все у жертвенных костров. Но вернуться могут в любой

² *Демотиватор* (демотивационный постер) – изображение, состоящее из картинка в рамке и комментирующей ее надписи-слогана обычно негативного содержания.

³ Сражение под Прохоровкой состоялось в 1943 г. между частями германской и Советской армий в ходе оборонительной фазы Курской битвы. Крупнейшее сражение в истории с применением бронетанковых сил.

момент, не будут же они пировать на таком морозе, в помещение пойдут. Значит, действовать надо быстро.

Согнувшись в три погибели, сжимая во вспотевшей правой руке обрез и почти касаясь земли левой, он бросился к самой большой юрте, стараясь оставаться в ее тени. Присел у войлочной стены, отвратно пахнувшей кислым молоком, видать, пропитывали, чтоб не промокало. Отгреб рукавом наметенный снег. Подергал. Войлочный край слегка приподнялся, выпустив наружу облако застарелых жилых запахов. Андрей дернул еще немного. Под стеной образовалась дыра, взрослому человеку вполне пролезть.

Ежась от попадающих в рукав снежинок, он просунул внутрь руку с взведенным обрезом. Следом голову. Остов юрты составляли раздвижные решетчатые стены из обработанных ивовых ветвей, соединенных кожаными ремешками. Крышу формировали жерди, одним концом упиравшиеся в круглый периметр стен, а другим – в круглый деревянный обод дымового проема. Под проемом горел очаг. В загончике слева от входа меланхолично жевали траву несколько ягнят. Справа стояли деревянные сундуки, лежали кожаные сумки и изделия из войлока.

Андрей бросился к ним, схватил похожую на доху куртку. Морщась от резкого запаха давно не мытого тела, натянул на себя, сунул в карман расшитые бисером варежки. Огляделся в поисках съестного и замер, встретившись взглядом с мальчонкой лет семи, одетым в халат и шапку, как взрослый. Он смотрел на Андрея темными, раскосыми, ничего не выражающими глазами. На его плоском лице тоже не было никаких эмоций.

Андрей показал ему обрез и одновременно приложил палец к губам:

– Тс-с-с. Я тут ничего, я тут немного вещей возьму и уйду сразу. Ага?

Мальчонка не отвечал и даже не шевелился.

– Я тут вот совсем чуть-чуть... – продолжал ворковать Андрей, отступая к дыре, через которую проник внутрь.

Тот не издавал ни звука.

– Все, ухожу, ухожу, – продолжал Андрей, просовывая под войлок ноги и зад.

Полог опустился, отсекая его от звуков и запахов юрты. В то же мгновение изнутри раздался крик. Надрывный, как вой сирены, он птицей вознесся в дымоход, разлетелся по округе. Вспугнул стайку детишек, скручивающих неподалеку в бухту кишки зарезанного барана. Заставил взрослых над котлами зависнуть с занесенными черпаками в руках. Остановил очередь к жертвенному костру.

С испугу Андрей нажал на курок. От грохота оскопленной трехлинейки заложило уши. Ноздри забило кислой вонью пороховой гари. На войлоке юрты появилось отверстие с глеющими краями. Пуля, без труда прошив обе стены, щелкнула по голове каменного идола, вокруг которого местные водили хоровод, отбив от нее изрядный кусок.

Крик внутри оборвался. Зато раздались вопли снаружи. Что-то не видимое за юртой перевернулось с грохотом. Кто-то закричал. Заржали кони, заблеяли овцы. Видимо, в суматохе кто-то уронил факел или влетел в костер, раскидывая вокруг головни. Соседняя юрта занялась ревушим белым пламенем.

Отлично, встрял поперек какого-то языческого обряда, оскорбил святыню. Андрей бросился наутек, почти не разбирая дороги.

За спиной что-то грохнуло. Чуть в стороне поднялся фонтан снега, смешанного с каменной крошкой. Над головой просвистело несколько стрел. Одна скользнула по висящему за спиной снегоступу, запуталась в намотанном лыке. Наконечник царапнул спину между лопаток. Со стороны лагеря донеслись радостные крики. Снова грохнуло. Пуля какого-то неведомого калибра вдребезги разнесла верхушку камня в полуметре от его ног. Осколки царапнули щеку. Это из чего ж они такого палят? Противотанковое ружье, не меньше. Над ухом раздался противный свист, теплая волна обдала правую сторону лица.

Через долгую секунду донесся грохот выстрела. Если так дальше пойдет, следующая угодит ему точно между лопаток.

Но выстрела не было. Зато за спиной он услышал нарастающий топот. Оглянувшись, увидел, что за ним, рассыпаясь на ходу веером, бегут десятка полтора низкорослых, крепких мужчин.

Они бежали, как табун лошадей, громко вбивая короткие кривые ноги в замерзшую землю. Приплюснутые носы с шумом выпускали согретый легкими воздух. Узкие глаза щурились еще сильнее, защищаясь от летящего снега и выцеливая добычу. В руках у них что-то поблескивало. Разглядеть, что, Андрей не успел, да в общем было и не надо – ничего полезного для здоровья у них быть не могло. С боков «веера» мчались две низкорослые, похожие на волков собаки, не быстро, но верно обходя его с флангов.

Андрей поднажал. Зацепился ногой за корень, едва удержался, размахивая руками. Обрез выпал, торчком зарылся в снег. Вытащил его, засунул под мышку. Оглянулся, теряя драгоценные секунды. Преследователи были уже метрах в трехстах, почти «сьев» всю фору, которую он получил в начале забега.

Он скинул бьющие по заду снегоступы и припустил. Бежать стало чуть легче. Выбросить мешающий обрез? Там еще четыре патрона, на всех не хватит. Если что, жизнь можно продать подороже. Или пугнуть? Авось отступят? Не захочет никто первым на пулю лезть. А если нет, если для них та святыня дороже жизни? «Черт!» – думал Андрей, отчаянно молотя землю не приспособленными для бега унтами.

Преследователи настигали.

Морозный воздух сгустился, стал резать легкие на каждом вдохе. Бедро налились тяжестью, икры начало сводить. Андрей почувствовал: еще немного – и он остановится или просто упадет.

Земля неожиданно ушла из-под ног. Потеряв равновесие, Андрей рухнул, скатился по склону, приземлился головой в кучу снега. Замолотил руками, пытаясь выбраться. Что-то ухватило его за шкурку, вздернуло. Гимнастерка врезалась в подмышки. Он заорал, брыкнулся и получил увесистую оплеуху.

* * *

Открыв глаза, он понял, что смотрит в широкое не улыбочное лицо Амвросия. Вот черт. Он снова дернулся бежать и опять получил оплеуху, которая привела его в чувство, прояснила рассудок. Одним взглядом окинул обстановку: небольшой вооруженный отряд, гуськом идущий по глубокому руслу реки, высохшей или замерзшей. Он поднял вверх палец и заорал:

– Враги! Буряты!

– Твою ж мать, – отозвался Амвросий и скинул с плеча берданку⁴. Щелкнул курком. За его спиной металлически отозвалось взводимое оружие.

Первый бурят показался над краем обрыва. Увидев направленные на него снизу стволы, заверещал пойманным зайцем. Навстречу ему распустились огненные цветы выстрелов. Эхо заметалось в узком пространстве, надрывая барабанные перепонки.

Тело буряты, переломившись в поясице, сползло вниз, пятная снег красным. Другого преследователя, не успевшего притормозить, отбросило обратно винтовочной пулей. В ответ сверху, из-за края прилетел огромный камень, стукнул одного из партизан по плечу, обтяну-

⁴ *Винтовка Бердана* (разг. берданка) – общее название двух различных систем однозарядных винтовок под унитарный патрон центрального воспламенения с металлической гильзой и дымным порохом, состоявших на вооружении в Российской Империи во второй половине XIX в.

тому овечьим полушубком. Он вскрикнул, упал, но Андрею показалось – серьезных повреждений не получил.

Партизаны ответили взрывом мата и винтовочным залпом, который смел с косогора еще одного преследователя. В неожиданно наступившей тишине послышался топот удаляющихся ног и испуганное подвывание собак.

Один из партизан, закинув за плечо винтовку и вытащив из-за пояса устрашающих размеров револьвер, полез наверх, оскальзываясь валенками на замерзшем склоне. Голова его показалась над краем. Замер удивленно. Наверху грохнуло. Столб земли встал прямо перед ним, на головы стоящим внизу посыпались мелкие камешки.

Он постоял несколько секунд, словно бы размышляя, что делать дальше. Поднес руки к лицу и плавно, как в замедленном кино, завалился назад и съехал вниз, гоня перед собой барханчик снега. Ловушка. Выманили на стрелка с мушкетом, твари. А как близко-то?

Староста кинулся вверх по склону. Не показывая головы, прилег на него боком и свободной рукой что-то кинул за край по пологой дуге. Наверху бухнуло, землю трянуло под ногами. Уши заложило ватными пробками. Андрей опустилсЯ прямо на снег и затряс головой, пытаясь избавиться от мерзкого ощущения.

Еще один партизан бросился наверх, ящеркой приникая к крутой стене. За спиной его болталась какая-то трубка. Сначала Андрей принял ее за огнемёт «Шмель», но заметил сошки и диск. Где ж он такое видел, а? В «Белом солнце пустыни», у товарища Сухова такой же был. Пулемет.

Это действительно был ручник. Перевалив за край кургузый ствол с болтающимися сошками, партизан поставил его, приложился к прикладу, дернул затвор и нажал на спуск. Страшный грохот понесся над плато. По лицу стрелка заметались демонически отблески вспышек на дульном срезе. Плечи заходили ходуном. Вцепившиеся в пистолетную рукоятку пальцы побелели.

– А-а-а-а! – закричал он, поливая свинцом невидимое за краем.

Остальные партизаны кинулись наверх, обгоняя и опираясь друг на друга. Андрей полез за ними. Когда голова его появилась над кромкой, врагов уже не было. Живых. В свете луны было видно десятка полтора невысоких, изломанных фигур, неподвижно лежащих на промерзлой земле. Рядом с одним из тел виднелось длинное ружье со странно загнутым прикладом и длиннющим стволом. Похоже, кремневое, турецкое.

А вдали разбегались в панике буряты, топча друг друга, роняя жаровни и опрокидывая котлы. Тут и там вспыхивали костры, жадно поглощая упавшие в них рукавицы и шапки. Пулеметчик с увлечением полосовал пулями войлочные стены юрт, по которым уже начали разбегаться озорные огоньки.

Неожиданно грохот кончился. Боек несколько раз стукнул в пустом патроннике и затих. Пулеметчик перевернулся на спину и раскинул руки в стороны, позволив ногам свободно свисать в лощину. Улыбнулся:

– Эх, хорошо-то как! Щас бы еще бабу...

– Хорошо-то хорошо, да только целый диск на этих грязнорылых рассадил, – недовольно буркнул кто-то. Андрей узнал густой бас командира Зосима Саввича. – А чего они на нас поперли-то? Мы вроде мимо шли, далеко, им шаманство свое творить не мешали.

– А это вот у него надо спросить, – подал голос Амвросий и вздернул Андрея за шкуру, как нашкодившего котенка.

– О, мил человек, опять ты? – Он покачал головой то ли удивленно, то ли раздраженно, не понять. – Ну-ка спускайся давай вниз. Побалакаем.

Андрей неохотно сполз на дно лощины. Следом ловко съехал на зад у Зосим Саввич, за ним Амвросий и встал за спиной молодого человека, направив ему в спину ствол бер-

данки. Последним спустился пулеметчик. Снежинки шипели и таяли, попадая на раскаленный кожух его ствола.

Вооруженные мужчины обступили Андрея, посматривая недобро. Староста так и просто сверлил тяжелым взглядом.

– Да пусти ж ты, – раздалось где-то сзади.

Раздался шум падения, гогот и вперед протолкалась невысокая фигура, до глаз заматанная в шкуры и тряпки. Откинула с лица шарф.

– Катя, – узнал Андрей. Бросился вперед, но стальная рука Амвросия, поймав его за воротник тулупа, удержала его на месте.

– Андрей, – метнулась она к нему.

– Стой, девка, – огромная лапа Зосима Саввича шлагбаумом перегородила узкий проход. – Отойди вообще.

– Но дядя!

– Отойди, говорю. И скажи спасибо, что не выпорол за то, что ты его в прошлый раз отпустила. И перед Амвросием не извинилась еще.

Катя отошла в сторонку, сняла с шеи длинный шарф и, подложив, уселась на камень. Подобрала подол длинной юбки, чтоб не пропитался подтаивающим снегом. Мелькнули расшитые бисером валеночки, размера тридцать пятого. И от их вида на душе Андрея стало темно.

– Не пялся! – рявкнул командир отряда. – Лучше рассказывай... А... – махнул он рукой. – Нечего тут. Амвросий, иди дело до конца доведи, твоя недоработка.

Амвросий пожал плечами.

– Ну, пошли, что ль, дело закончим, – обратился он к Андрею.

– Дядя! – вскрикнула Катя. В голосе ее была тоска раненой чайки.

Зосим Саввич оглянулся на нее, покачал головой, ладонью опустил вниз ствол Амвросиевой берданки.

– Ладно, успеем еще, – пробормотал он. – А пока с собой его возьмем. Там разберемся, может сгодится на что.

– На что? – спросил Амвросий.

– Не знаю, провода, может, зубами держать или еще зачем. Веди. Головой отвечаешь.

Тот в ответ снова пожал плечами. На всякий случай быстро обыскал Андрея. Подтолкнул стволом – вставай, мол.

Девушка подбежала, накинула ему на шею длинный шарф, обернула, завязала узлом, заглянула в глаза. Сердце Андрея запнулось, пропустило полтакта. Он протянул руки обнять, но не успел. Зосим схватил ее за рукав, грубо оттащил, велел идти в хвост. Зло зыркнув на него, она ушла, все время оглядываясь.

Партизаны, растянувшись по распадку, двинулись дальше. Впереди шли несколько парней помоложе с винтовками наперевес – мало ли кого могли привлечь шум, пожар и звуки выстрелов. Следом Андрей со сторожем, за ними командир и остальные. Замыкали отряд четыре бородача, тащивших на плечах станковый пулемет Максим. Один нес станину, другой – ствол, третий сгибался под тяжестью коробок с патронными лентами. Четвертый нес не очень тяжелый, но очень неудобный щит. Страшная штука в сборе. Врагов косит почище бензопилы. Даже бронелисты от него не спасают, не говоря уж о стенах домов и бронежилетах. Именно про него говорил актер Сухоруков в «Брате-2»: «Чапаевский, вещь!»

Петляющее русло скоро вывело к обрыву. Партизаны спокойно свернули на едва заметную тропку – они-то наверняка видели это все не раз. Андрей же не удержался, заглянул вниз. И оторопел.

Прямо из-под его ног низвергался ледяной водопад. Замерзшие потоки причудливо сплетались между собой, образуя длинные гирлянды. Свет низкой луны, отражаясь и пре-

ломляясь, оживлял в них многорукие тени. Казалось, водопад жил своей жизнью. А за ним расстилался покрытый льдом Байкал. Скалисто-лесистые берега охватывали ближнюю его часть, остальное терялось в дальнем мраке. Очевидно, осень выдалась спокойная и лед застыл ровно, огромным темно-голубым зеркалом, лишь кое-где припорошенным снежными заносами. Под ним жило своей жизнью огромное озеро. Дух захватило от увиденной красоты.

– Ты видел? – Андрей обернулся к своему охраннику.

– Сто раз, – грубо ответил тот. – Иди давай. – Амвросий толкнул его в спину стволом. – А то сверзишься еще, с меня потом спросят.

– Так ты ж меня сам расстреливать собирался, – удивился Андрей его заботливости.

– То приказ. А сам-то я... – пробормотал Амвросий тихо. – Да иди уже! – неожиданно разозлился он и снова ткнул Андрея.

Они вышли на косогор и двинулись вдоль гребня, держа направление на запад, насколько мог определить Андрей. Он был так захвачен величественным видом огромного озера, что не сразу заметил поблескивающие внизу у самого берега рельсы. Кому ж в голову пришло их там проложить-то? У самой воды. Озеро-то чистое, а из окон кидают всякое. Бумажки, окурки, из сортиров все вниз выливается и по полотну течет.

А может, тогда не мусорили так и курили мало? «Ага, и не писали вовсе», – улыбнулся он сам себе. Железная дорога скрылась из виду, нырнув в тоннель. Отряд остановился возле небольшого углубления в скале, похожего на воронку от взрыва, глубиной примерно по пояс. Партизаны привычно спустились вниз, расселись по кругу. Похоже, у каждого тут было свое место. Пригретое. Не первый раз, что ль, поезда грабить ходят? А что, вполне может быть. «Прям настоящий истерн получается», – посмеялся про себя Андрей и поздравил с придуманным по аналогии словом «вестерн».

Андрей поискал глазами место, чтоб оказаться поближе к Кате, но его оттерли в сторону, поглядывая недобро. Как-то был он на одной деревенской дискотеке – так же вот... В общем, решил поостеречься.

Зосим Саввич пропустил всех вперед, сам сошел последним. Осмотрел суровые, заросшие лица.

– Ты и ты – в караул, – отдал распоряжение командир, ткнув пальцами в грудь молодых парней. – Ты вставай над тоннелем, сигнализируй, как поезд покажется. А мы уж тут...

С этими словами он стряхнул снег, обнажив кусок брезента, отбросил его в сторону. Собравшиеся вокруг ахнули. Не сдержался и Андрей. Под плотной тканью оказалось еще одно углубление, в котором покоилась адская машинка. Деревянный ящик с ручкой сбоку и поршень с поперечной деревянной перекладной.

Динамо-машина. Если покрутить ручку, то на катушке внутри коробки образуется постоянный электрический ток, а если вдавить внутрь поршень, ток пойдет по проводу, кстати, вот и он, тянется по обрыву вниз, и подорвет запал. Все готово уже, значит? Ну да, правильно. Перед таким важным поездом ведь по рельсам могут обходчики пройти. Свежие раскопки-прикопки наверняка заметят, тем более вон и солнце уже начинает золотить вершины гор, а если все уже зарыто и снежком припорошено...

Выкурив в рукав по самокрутке, партизаны стали разбредаться по гребню, укладываясь в заранее присмотренные или выкопанные гнезда. Тем, кто догадался прикрыть их лапником, было проще – убрали ветки и все. Другим приходилось отгребать наметенный снег или ложиться прямо так. Для станкача заранее выкопали глубокую лежку на двух человек невдалеке от основной ямы и выложили каменный бруствер.

Расчет их был прост и понятен. Взорвать рельсы так, чтоб большая часть солдат охраны оказалась отрезанной в тоннеле, остальных и выбегающих перестрелять. Выгрузить золота, сколько унесут, и раствориться в окружающей природе, пока оставшиеся в живых не обошли

простреливаемый насквозь тоннель по льду. Пространство озера открыто на много километров, тут один пулеметчик вполне способен сдержать хоть роту, хоть две. Теоретически. На самом деле Андрей даже не смог бы сейчас с уверенностью сказать, сколько в роте солдат. Даже нынешней российской. А тем более – чехословацкой столетней давности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.